

Артем Тихомиров

Русская готика

Арте́м Тихоми́ров

Русская готика

«Автор»

2006

Тихомиров А.

Русская готика / А. Тихомиров — «Автор», 2006

Старый особняк, зловещее прошлое, покрытое мраком, призраки погибших в доме людей, подползающее безумие, убийства, фантомные голоса и шорох костей... Герои теряют связь с действительностью и все сильнее погружаются в атмосферу безумия. Особняк стремится по-жрать их. Проснувшись, он требует крови и смерти.

© Тихомиров А., 2006

© Автор, 2006

Содержание

1. Бодрствование	5
2. Дисбаланс	14
3. Особняк	23
4. Потайное место	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Артем Тихомиров

Русская готика

Я бродил вокруг могил под этим добрым небом; смотрел на мотыльков, носившихся в вереске и колокольчиках, прислушивался к мягкому дыханию ветра в траве – и дивился, как это вообразилось людям, что может быть немирным сон у тех, кто спит в этой мирной земле.

Эмили Бронте «Грозовой перевал»

1. Бодрствование

Смерть пришла сделать свое дело. Женщина умирала за стенкой, разделявшей кухню и комнату.

Звуки, которые вырывались из ее горла, походили на шуршание сухой пыльной бумаги. Олег подумал, что осталось немного, и боялся закрыть глаза. Если сделать это, звуки из комнаты не прекратятся никогда; так ему казалось в эти минуты, когда он стоял, прислонившись спиной к простенку между шкафчиком и косяком двери.

Она звала его. Из забитого горла вырывалось одно-единственное слово. Он знал, что это. «Олег!» Шепот полузадушенного человека.

Олег сцепил руки, так что щелкнули суставы указательного и среднего пальца. Почти одновременно с этим в комнате упала со стола миска. Послышался удар, миска покатилась, выбрасывая из себя содержимое. Недоеденную курицу. Остатки мяса, кости, разгрызенные вдоль, расщепленные для того, чтобы высосать мозг. Олег задрожал, мочевого пузыря сдавило. Сейчас хлынет струя мочи, потечет по трусам и брюкам, потом поползет до ботинок. Это пугало сильнее всего. Звуки из комнаты стали разнообразней, теперь к свисту и тихому хрипу добавилось нечто скрежещущее.

Она возила ногтями по столешнице, покрытой изрезанной клеенкой. Смерти предшествует агония, подумалось Олегу. Еще две секунды назад он мог отойти от стены и сделать то, что спасло бы ей жизнь, но не двинулся с места. Хотел, но ничего не сделал.

«Олег!» С тем, что приходит во сне, невозможно бороться. Остается только наблюдать.

Наступила тишина. Он почувствовал себя обманутым, ведь надеялся, что ее смерть будет безболезненной. Судя по всему, она осознавала происходящее до того момента, когда мозг отключился навсегда и сердце остановилось. Теперь ее тело стало грудой мяса и костей, постепенно остывающей плотью, предназначенной для того, чтобы ее бросили в землю.

Тишина в квартире. Не было слышно даже, как тикают часы на стене. «Олег!» Он скривился, скорчил гримасу. От висков по щекам стекал пот. Звук щелкающих суставов отчасти вернул его в сознание. Сколько он простоял здесь? Самое большее полминуты. Сколько времени надо человеку, умирающему от асфиксии? Во сне не было ответа на этот вопрос...

За стенкой находится мертвая женщина, которая сегодня утром проснулась рядом с ним, ни о чем не подозревая. Ему было известно, когда нужно выйти и спрятаться на кухне. Он так и поступил. Текли минуты. Стал слышен ход часов. Каждое движение стрелки по циферблату точно вбивало в его мочевого пузыря очередную иголку.

Он постоял еще немного. Потом решил, что необходимо выйти. Невозможно стоять здесь вечно. Она мертва, и у него появились перед ней новые обязанности, которыми нельзя пренебречь.

Он вышел из кухни, ступая на цыпочках, и заглянул в комнату. Сидя друг напротив друга они завтракали здесь пять минут назад. В алюминиевой миске лежала вареная курица, целая.

Когда она занялась ею, он съел свой кусок мяса и удовлетворился им. А она любила курицу, но, казалось, ест ее только для того, чтобы добраться до костей и начать разгрызать их.

Олег смотрел, как его невеста, покончив с гарниром, начала раздирать куриную тушку. Жирные пальцы отделяли мясо от костей. Профессионально. Он знал, что эти пальцы действительно были ловкими, а иногда и жестокими.

Тело оставалось сидеть на стуле. Голова лежала на столе, возле тарелки с остатками риса, грудь упиралась в край столешницы. Он помедлил и шагнул ближе, замечая другие подробности. Хотелось в туалет, но он знал, что ему нельзя уйти, не посмотрев. Миска лежит справа от стола, перевернувшись, курица – мясо, жилы, кожа, хрящи – рассыпалась веером, бульон, скопившийся на дне миски, оставил на линолеуме корявый рисунок. Возле лица мертвой – осколки куриной кости. Их крошечный фрагмент попал ей в горло, и теперь его невеста мертва. Всего-то и надо было, что есть помедленней.

Она не спешила на работу, просто питала страсть к мозгу внутри куриных косточек. А теперь мертва. Синее лицо, высунутый язык. Его кончик касается клеенки.

Олег стоял, опустил руки по швам, и смотрел, околдованный этим зрелищем. Его взгляд приковало не столько лицо и полуоткрытые глаза, сколько босые ноги. Пока она боролась за жизнь, ее тапочки с задниками слетели с ног. Слетели и легли крест накрест. «Олег!» Нет, она не может говорить. Он поднял руки, прижал их ненадолго к ушам. Никто здесь не произносил его имени.

Внезапно он сорвался и побежал в туалет. Расстояние до него казалось огромным. Световые годы. Сейчас моча ударит в трусы, чтобы в очередной раз напомнить ему... что? Что он наверняка сумасшедший.

Вбежав в туалет, он захлопнул дверь и мучительные пять секунд возился со шпингалетом. Растегнув ширинку, вынул пенис и закричал. Моча ударила в стенку унитаза, поплыл аммиачный запах, вызвавший у него тошноту. В минуты, когда его со всех сторон обступали сны, всегда появлялась боль, и с ней ничего нельзя было поделать. За многие годы ему так и не удалось с этим свыкнуться. Знай он точно, что дело в какой-нибудь инфекции, он давно бы обратился к урологу, но проблема совсем в другом. Против этого недуга не существовало лекарства. Он знал. Знал с шести лет, когда впервые увидел кости и услышал их голоса.

Моча иссякла. Олег застегнул штаны. Ему трудно было решить, что делать теперь. Это казалось ему невыполнимой задачей. В квартире висела невыносимая, тяжелая тишина. Ее было ни сдвинуть, ни забыть о ней, ни сделать вид, что ее не существует. Тишина уподобилась мертвой женщине за столом.

Он открыл туалет, но вышел не сразу. Что было еще в его сне? Какие указания? Он ждал и в конце концов понял, что ответа не получит. Пора было заниматься делами.

Олег снова подошел к трупу и наклонился, заглядывая в до неузнаваемости изменившееся лицо. Сегодня ночью ему приходилось целовать его, а теперь оно похоже на гниющее мясо. Подкрадывается страх. Осознание...

Проверить пульс. Даже если ясно, что она не дышит, пульс надо проверить. Его пальцы, проделав долгий путь, полный сомнений, соприкоснулись с кожей на шее. Биения крови не было. На ощупь кожа мертвой женщины казалась маслянистой. Он подумал, что так потеют люди перед смертью. В этом не было иронии или бравады, никакого удовлетворения или скрытого смысла. Только констатация. Не пот от секса, а предсмертные выделения. Он удержался, чтобы не понюхать пальцы, и отошел от стола, не поворачиваясь спиной.

«Олег!» Опять этот голос, не принадлежавший живому человеку. Одно слово, произнесенное посиневшими губами.

Он присмотрелся, точно зная, что губы его мертвой невесты были неподвижны.

«Олег!»

Фигура матери... Осуждающе-напряженная поза. Сдвинутые брови человека, который не хочет поверить... Или не способен.

(Мама, а что мне делать, если я снова их увижу? Нет, я увижу, я знаю, что увижу. Они о чем-то мне говорят и совсем не голосами, мама. Я не сочиняю.)

*(Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю...
Придет серенький волчок...
И укусит за бочок...)*

(Мама, мне страшно спать...)

Островки памяти носит во тьме, захлестывает ледяным ветром.

Олег открыл окно. Ком прохладного ночного воздуха ударился ему в грудь. Он стоял и смотрел на ветви росшей во дворе яблони.

Несколько дней длится бессонница. Никак не удастся заснуть. Глубокий сон переходит в разряд таинственных, редко встречающихся явлений. Провалившись два с лишним часа, Олег поднялся от тяжести в груди, от чувства, будто что-то жжет в области солнечного сплетения. Очень знакомо. Было муторно на душе, странные желания крутились у него в голове, и ни одно из них не показывалось на свету... Желания-призраки, мысли-чудовища...

Сырое промозглое время, тревожные предчувствия. Олег прислушался и уловил, как ветерок играет листвою. Тихое шуршание навевало сон, но спать вовсе не хотелось, и Олег, опершись руками о подоконник, высунул голову из окна. Посмотрел вверх. На доступном ему кусочке неба горел Млечный Путь. В конце июня ночи светлые, но звезды различить можно. Олег любил смотреть на них. Иной раз только звезды отвлекали его от созерцания мрачных видений, возникающих в мозгу.

Сегодня в его дреме, продлившейся не больше пятнадцати минут, было много нехорошего. Опять приходили странные картины. Скверный знак. Уже четыре дня Олег чувствовал беспокойство. Невидимый локатор, сидящий в глубине мозга, работал и посылал в сознание зашифрованные сообщения, но у Олега не было ключа к этому шифру.

Днем спасала работа. Вчера Олег уделил много часов разбору мусора на чердаке своего дома. Впервые за пять лет он решился бросить вызов этой проблеме. Вытащил уйму разного хлама, вымел пыль и песок, и обнаружил, что под крышей есть вполне приличная комната. Слуховое окно, правда, нужно заменить, а в остальном нормально. Покрасить стены, постелить что-нибудь на пол, чтобы не было так казенно. Слуховое окно Олег заколотил куском фанеры, чтобы в него не залетали летучие мыши. Тех, которые давно гнездились под крышей, он выгнал. Твари упорхнули в солнечный день и исчезли. Вытащив последний мешок во двор, Олег понял, что весь покрыт паутиной и пылью. Поставив свои трофеи возле забора, он подумал, что толком не знает, что в них. Уборка шла почти вслепую. Кто знает, может, в мешках отыщется что-нибудь интересное.

Олег пошел в ванную и обнаружил, что горячую воду опять отключили. Пришлось воспользоваться холодной. Она смыла с него грязь и пот. Вытираясь на крыльце, Олег смотрел на мешки с хламом. Барахло может подождать. Заключив с самим собой соглашение, что мешками он займется завтра, Олег прихватил ящик с инструментами и отправился в поселок – делать работу, которая ждала его там.

Захотелось курить. Олег отошел от окна и двинулся к тумбочке у кровати. Он был босым и одет только в плавки. После нескольких шагов на плечи навалилась свинцовая тяжесть, оттуда она расплзлась по всему телу. Олег почувствовал, насколько его вымотала бессонница.

Курение, конечно, не излечит ее, подумал он, выуживая сигарету из пачки. Его лицо появилось из темноты на пару мгновений – огонь от спички обрисовал прямой нос, выступающий подбородок и бритую голову, украшенную шрамом с левой стороны. Олег задул спичку и включил ночник над кроватью. Желто-серое сияние лампочки сгустило тьму по углам комнаты. Олег опустился на кровать, придвинул табурет, на котором стоял стакан воды. Нашупал пепельницу. Веки стали тяжелыми, но это ничего не значило.

Вдали прокричала сова. Олег повернул голову на звук и убил комара у себя на шее. Эти твари лезут на пот. Избавиться от них невозможно. На форточке у Олега висела бумага, разрезанная полосками, она отгоняла мух, но на этих проныр не действовала. Комары летели на тепло и запах человека.

Следующим звуком был хриплый собачий вой. Пес вдохнул и выдохнул, а потом вновь тишина. Олег подумал, что это у Синицыных. Их пес прожил пятнадцать лет, ослеп на один глаз и ходил подволакивая задние ноги. Его мучили галлюцинации, Олег хорошо знал, что это такое, и сочувствовал бедняге. Старому псу снились кошмары. Может быть, он тоже чувствовал беспокойство.

Олег стал вспоминать дочь Синицыных, пучеглазую бесцветную девицу, которая всегда смотрела на него так, словно он прозрачный. При нем она ни разу не сказала ни слова. Возможно, у нее не все в порядке с головой. Или дело в том, что девица вырастет. Он представил ее потное разгоряченное тело, резко пахнущее, и соблазнительное. Для его одинокого существования такие фантазии были невыносимы.

Потушив окурки, Олег взялся за новую сигарету. Надо было сходить во двор, подышать воздухом. Подниматься не хотелось. Ветер шелестел в листве. Лес, обступивший дачный поселок, молчал, вглядываясь в окна домов. Олег никогда не чувствовал, что лес обращается именно к нему, но знал, что всегда найдется, кому из тьмы наблюдать за местными жителями.

Из соседней комнаты вышел Бакс, черно-белый кот. Он поглядел на хозяина, глаза, поймав свет ночника, сверкнули блекло-зеленым. Олег уныло смотрел на своего единственного компаньона. Бакс сначала умывался, а потом ринулся под тумбочку. Он ни разу не пропустил ни одну мышь. В этот раз зверюга вышла на свет с очередным трофеем. Живым. Мышь дергалась в зубах, хвостик вращался, словно призывал на помощь. Бакс не издавал ни звука. Должно быть, для его жертв так было страшнее. Кошки знают, как продлить страдания тех, на кого охотятся. Бакс вел себя точно так же, как тот кот, который умер в год смерти отца. Убивал молча. Олег помнил.

– Кыс-кыс, – сказал он.

Бакс не взглянул на него, занятый игрой с мышью. Один раз ей удалось пробежать сантиметров тридцать, но кот протянул лапу и насадил ее на крючок. Коготь вошел твари в загривок. Мышь пискнула. Иногда Бакс играл долго, иногда заканчивал быстро – в зависимости от того, хотел есть или нет. Но он никогда не стеснялся того, что делает, ему в голову не приходило анализировать свое поведение.

Олег вспоминал сон, посетивший его в те тяжкие пятнадцать минут дремоты. Зоя умерла оттого, что ей в горло попала куриная косточка. Косточка эта имела огромную власть и продемонстрировала ее, еще раз подтвердив то, что Олегу было известно давным-давно.

Кости могущественны, они сопротивляются течению времени и его разрушительной силе, над ними не властна смерть. И отец, у которого под ногтями постоянно была запекшаяся кровь, это знал. Знает, наверное, и старый пес Синицыных, который тоже скоро превратится в кости.

Зое нужно было умереть, именно поэтому Олег не стал помогать ей... сны не лгут, *такие* сны во всяком случае.

Однажды он попробовал, по незнанию, воспротивиться течению событий и поплатился за это смертью отца. Почему Зоя явилась ему сегодня? Что это означает?..

Хаотичному движению мыслей и ощущений не было конца. Подобное с ним еще не случилось. Сны-указания всегда можно отличить от других, но только не в этот раз. Ему не хотелось вспоминать о своей мертвой невесте, но он образов прошлого избавиться было не так просто.

Олег посмотрел на Бакса. Кот жевал мышь. Зубы дробили тонкие косточки, кот чавкал, не давая ни одной капле крови упасть на пол. Бакс жрал свою добычу посреди комнаты. Олег наблюдал это много раз. Кот знал, как продлить страдания своей жертвы... Но я не кот. Никогда и никому я не желал зла.

И отец умер не потому, что Олегу так захотелось, – все было по-другому, нет тут никакого самообмана...

Он вышел из спальни, выпил на кухне большую металлическую кружку кваса. Вернулся, чтобы надеть штаны и найти тапочки. Не забыл сигареты. Олег любил одиночество, но сейчас ему было страшно одному.

Если бессонница не отступит, в следующую ночь он попросит помощи у тети Ирины. Олег называл так женщину, которая жила по соседству, считая, что во многом они с его матерью похожи. В чем? Наверное, такой мать могла быть в пятьдесят семь – столько исполнилось Ирине Михайловне Шведовой в мае. Мать Олега умерла два года тому назад; ему сообщили о ее смерти, но на похороны он не поехал. Когда-то Олег хорошо запомнил, как мать радовалась смерти отца, и решил, что никогда не увидит ее мертвой, – он не будет радоваться, но и проводить в последний путь не сможет.

Тетя Ирина была другой женщиной. Может быть, Олег видел в ней то, чего не нашел в матери. Это объяснение он не находил удовлетворительным. Оно было глупым. Тетю Ирину он просто любил. Живи Олег рядом с матерью, он бы обратил эту сыновью любовь на нее, но обстоятельства складывались не в пользу их обоих.

Мать умерла от сердечного приступа на огороде, когда копала картошку. Было жарко. Ее убили кровь и изношенный организм. А может, что-то, чего Олег не знал. Письмо о ее смерти принесла тетя Ирина – вот такое стечение обстоятельств. Олег сел на тумбочку в кухне дома, где еще не до конца освоился, и стал плакать. Шведова гладила его по бритой голове. И молчала. Раздумывала, стоит ей перенимать эстафету или нет. Тетя Ирина знала о его привязанности, женщине известно о таких вещах без подсказки.

В конце концов она сама этого захотела. Их дома стояли недалеко рядом, и Олег часто заходил к тете Ирине послушать ее мягкий северно-русский говор. Даже ему, деревенскому мальчику, он был в новинку, к нему нельзя было привыкнуть. Тетя Ирина говорила словно пела. От нее Олег узнал о том месте, в котором поселился (вероятно, навсегда) и которое ему нравилось своей уединенностью. Тишиной. Кости беспокоили его и здесь, но к ним в этой обстановке Олег относился более терпимо.

когда они шуршат, это звук невозможно спутать ни с чем другим; ни с галькой на озерном берегу, ни с пересыпаемым песком; они говорят не голосами, а мыслями, они научились это делать за миллионы лет... подчас это невыносимо

Ветер замер на несколько мгновений. Олег вышел на крыльцо. Курить на воздухе совсем другое дело. Ветер заметался снова. Яблоня закачалась, боярышник, росший за невысоким забором, подтанцовывал ей в унисон.

В пятнадцати метрах от себя Олег видел запертую деревянную калитку. За ней была уходящая влево дорожка между сильно разросшимися кустами волчьей ягоды, скрывавшими почти целиком видимый отсюда участок улицы, что пронизывала поселок. Зимой, конечно, вид был лучше, но появлялось ощущение излишней открытости, которое Олегу не нравилось.

Обилие зелени успокаивало нервы. Здесь можно было затеряться. Думать о сырой земле и ее соках, сидеть в тени и наблюдать, прислушиваясь к пению птиц. Безопасное убежище. Именно такое он и искал. Место, где Олег родился и вырос, чем-то напоминало это, но там было много суеты. Там остались воспоминания об отце, там умерла мать. И что бы ты ни думал, всегда будешь сравнивать прошлое и настоящее. А Олег не хотел. Ни сейчас, в эти сырые мрачные часы, ни когда-либо еще.

Он стал тереть виски, думая о тете Ирине. Порой только ее присутствие могло успокоить биение в его мозгу большой черной жилы, наполненной, точно сытая пиявка, нехорошей кровью.

Тут он вспомнил. Тетя Ирина уехала к дальним родственникам в деревню, которая находилась в ста километрах отсюда. Обещала вернуться завтра. Олег кивнул сам себе. Он собирался починить дверцу у платяного шкафа и даже взял ключ, но еще не приступил к делу.

Войдя в дом, Олег пошел в туалет, зажег там лампочку и посмотрел на себя в маленькое прямоугольное зеркало над бачком. Под глазами синяки и выражение лица такое, словно только что он увидел привидение. Может быть, и так, подумал Олег. Он спустил воду, та зашумела, забулькала. Казалось, звук разнесся по всему поселку. Олег попробовал улыбнуться своему отражению, и кое-что получилось. Не слишком хорошо, правда.

Одиноким мрачным тип. Со странностями. Олег знал, что думают про него соседи, постоянные и временные жители дачного поселка. Его это не задевало. Он делал свою работу без нареканий, любую, какую ему ни поручали, и все были довольны. Олега не звали на празднества, только изредка, если он вдруг оказывался рядом, не заводили долгих разговоров на улице – тоже лишь вскользь – и старались не замечать. Олег не считал себя изгоем – хотя бы потому, что и переехал сюда, пользуясь счастливым шансом, в стремлении избежать всего того, что называется у других «жить как все». Те, кто обитал в двух десятках дач неподалеку от Утинного озера, сами не страдали избытком общительности. Семьи и одиночки были замкнутыми и отличались такой же приветливостью как закрытые наглухо ставни на их окнах. Олег думал, что дело в земле. Именно земля выбирает, кто на ней будет жить, а не наоборот. Так сказал однажды его отец.

Еще местные думали, что у него нелады с противоположным полом. Они были неправы. Само по себе уединение ни о чем не говорило. Олега не тянуло к мужчинам. Просто он помнил о Зое и о том, как ей пришлось умереть. Он боялся, что однажды снова увидит во сне, как будет гибнуть другая женщина, делящая с ним постель. И кости. Их голоса становились просто невыносимыми, когда Олег пытался изменить свое стопроцентно холостое положение. Дом, в котором он поселился, был вполне пригоден для семьи, но за пять лет своего здесь пребывания Олег не приблизился к своему гипотетическому семейному очагу ни на шаг. За это время у него было только три женщины, и все они жили в городе. Те контакты были случайными. С двумя Олег встречался по одному разу, точнее, занимался сексом в укромном месте, чтобы потом разойтись навсегда. Третья связь продлилась неделю. После нее Олег впал в депрессию. Тетя Ирина исподволь учила его справляться и с этим, он считал, что усвоил ее молчаливые уроки. У Олега оставалось его воображение. В нем были некоторые молодые женщины из поселка, были девочки, вроде Лизы, дочери Синицыных. Думать о них летними ночами, мечась на горячей постели, было мучительно. Олегу чудился их запах. К нему он добавлял свой. Когда было совсем невмоготу, ему приходилось выбегать во двор и прятаться в густых зарослях за домом. Несколько движений, и сперма выстреливала в высокую траву, в темень. Зимой Олегу приходилось делать это в доме, но тогда он не испытывал такого напряжения.

Тяжесть и жжение в груди стали отпускать. Олег прошелся в темноте по двору. Как прайвило, если он не чувствовал ничего странного, темнота его не пугала. Он знал границы, которые не следовало переступать. Здесь он в своих владениях.

Дойдя до калитки, Олег понюхал воздух. Дом его стоял с краю, предпоследним, перед ним был дом тети Ирины – темный силуэт крыши, окруженный кронами деревьев. Торчала телеантенна. Откуда-то тянуло дымом. Олег раздул ноздри, впитывая ночной воздух. Давление, конечно, ослабло, но предчувствие никуда не делось. И по-прежнему было необъяснимым.

Олег вернулся в дом и лег на кровать. Бакс расправился с мышью, не оставив ни единого упоминания о ней, и пристроился на краю матраца возле подушки. Олег не стал его сгонять. Глядя в потолок, он думал, на что мог указывать сегодняшней сон.

Олег спросил, кем работает его отец, и мать сказала, что на мясоперерабатывающем комбинате. Мальчику было шесть лет. Олег пытался осознать, в чем смысл этого длинного словосочетания. Мясо получали от животных – они сами держали корову, пару свиней и кур – это Олегу было известно, но до сих пор он не задумывался, как же именно это мясо перерабатывалось.

Подумав, Олег снова пристал к матери. Она развешивала белье во дворе. Что делают на комбинате? Мать, хмурая, не хотела отвечать. Олег помнил, что пуститься в расспросы его заставили бурые пятна на руках отца, которые он заметил на днях. В первый день было так, во второй, в третий. И еще это бурое виднелось под ногтями и вокруг них. Мальчик убедился, что оно не убирается даже при помощи мыла. Поразмыслив, мальчик пришел к выводу, что отцовы руки измазаны в крови.

– Он забойщик. Убивает коров и свиней, – сказала мать, обернувшись через плечо.

Выражение ее лица означало, что Олег должен отстать. Ему было достаточно пищи для раздумий, по крайней мере, на ближайшее время. Отец – забойщик, убивает животных, мясо которых перерабатывают какие-то другие люди. На комбинате. Все ясно. Поэтому руки у него в крови. Она гнездится под ногтями.

Мальчик представил большие, разработанные отцовские руки, широкие пальцы, покрытые грубой кожей, мозоли на ладонях, напоминающие холмы. Они казались Олегу сделанными из камня или из прочного дерева. Выпив, отец принимался его щекотать, и мальчику казалось, что по ребрам гуляют не человеческие руки, а клешни какого-то жуткого животного. Ему нравилось, и в то же время он боялся, что эти пальцы однажды проткнут его бока. Через пять минут у Олега возник еще один немаловажный, по его мнению, вопрос: *чем* отец убивает этих животных. Можно спросить у него самого, но тогда придется ждать до вечера. Любопытство было сильным. В его детском мозгу рождались фантастические картины, и в каждой из них отец принимал облик чудовища с огромными зубами; он походил на большущего волка с зубами величиной с кухонный нож и набрасывался на коров и свиней. И все другие люди на комбинате, которых мальчик ни разу не видел, представлялись ему страшными кровожадными существами.

Олег выглянул в окно, посмотреть, где мать. Она стояла возле сарая, уткнув одну руку в бок, и курила. Он помнил, что не решился задать свой вопрос. Мать была раздраженной. Не стоило лезть к ней, раз она в таком настроении. По заднице она была больно, расчетливо, поэтому синяк не проходил долго. Ей было известно, как продлить страдания своей жертвы.

Докурив, мать бросила сигарету в бочку, что стояла в углу дома под желобом для стока дождевой воды. Подхватила пустой таз и пошла в дом. Олег сел за стол, схватился за карандаши. Мать стала возиться на кухне. Мальчик наблюдал за ней. Его рука с карандашом сама собой бродила по листу, вычерчивая хаотичный узор ломаных линий. Заметив прищуренные глаза матери, Олег решил дожидаться отца и не лезть на рожон.

В разговоре с отцом был нужен подходящий момент. Он тоже был скор на расправу, только специализировался на подзатыльниках. Подзатыльники, конечно, были хуже щекотки. Мальчику казалось, что с его головой встречается большая тяжелая дубина. Однажды от очеред-

ной затрешины из его глаз посыпались искры и мать назвала отца ублюдком. *Ублюдок и козел*, произнесла она так, словно выплевывала слюни.

Мать снова вышла во двор, ее голова в розовой косынке промелькнула за окном. Олег посмотрел на свой рисунок. Среди мешанины темно-синих линий выделалось нечто с большими выпученными глазами и зубастой пастью.

Он решил, что, наверное, тот самый разговор и способствовал его снам... Вернее тому, что именно его выбрали кости. Мальчик думал обо всех тех свиньях и коровах, которых отец убивал.

Олег перевернулся на правый бок и уткнулся носом в стену. Она пахла старым деревом. А от отца в тот вечер пахло пивом. Он вошел в дом, вонзив в изношенные доски пола свои ноги в сапогах. Олег поглядел на его руки, но поразили его не они, а запах, которого он раньше не замечал. Железистый, чуть сладковатый, но и горький и терпкий одновременно. К нему примешивались табак и пиво, но они ничуть не заглушали его. Олег посмотрел на отца, но тот не превратился в чудовище. От него пахло кровью и ужасом. Пахло убийством.

Отец посмотрел на мальчика и велел ему подойти. Мать сказала, что ты спрашивал меня про мою работу. Олег подумал, зачем матери это делать, но только кивнул. Отец посадил его на колено. Запах крови был силен. Я бью их кувалдой по голове, она тяжелая, для этого надо силищу иметь, бью, а они падают и теряют сознание, тогда я быстро перерезаю им горло. Иногда мы применяем электрошок, когда не бывает проблем с электричеством. Ты понял? Олег опустил глаза и кивнул. Один раз при нем отец отсек курице голову, и птица лежала рядом с плахой и долго била ногами. Из нее вытекал ручеек крови, впитывающийся в опилки. А сколько крови вытечет из коровы или свиньи?

Может быть, я тебя свожу на бойню, сказал отец. Немного позже, когда ты больше станешь.

Олег помнил его улыбку и сверлящий взгляд, слишком ясно помнил. Даже сейчас, когда ему было тридцать лет.

Отец не выполнил своего обещания...

Олег сел на кровати, мокрый от пота. Отец умер вскоре после этого разговора, кто-то другой занял его место и стал бить кувалдой животным по голове. Однажды отец сказал, что от удара кости черепа издадут громкий треск.

Олег взял с табуретки стакан воды и выпил половину. Его трясло. Бакс, мяукнув, прыгнул на пол; пошел прочь с поднятым трубой хвостом. Олег подумал, что сейчас сойдет с ума. Воспоминания явились в неподходящий момент. Почему именно сейчас?

За два месяца до смерти отца Олег помогал ему красить сарай, только что починенный, пахнувший свежими досками. Отец заменил стену, выходящую в огород, так как та совсем рассохлась. Он не разрешал сыну помогать ему, но пообещал, что допустит к покраске. Шестилетнему Олегу ничего другого и не надо было. Утром отец приготовил две большие банки с серой краской и сказал Олегу принести кисточки, лежавшие на кухонной полочке, слева от печи. Мальчик бросился выполнять просьбу, но по пути его перехватила мать.

– В этой одежде ты извозюкаешься. Сейчас переодену, – сказала она. «Твои выходки мне надоели!» – об этом говорил ее взгляд.

– Ну мама!

– Две минуты потерпи.

Возражать ей было бесполезно. Мать достала потрепанные сандалии, старые носки, штанишки и рубашку, словно специально хранила все это на случай, если сын вздумает изображать взрослого. Олег не смотрел на нее, его взгляд был направлен в окно, на отца, стоящего возле сарая. Он курил и смотрел на стену. Неизвестно, о чем были его мысли. Вчера вечером

они с матерью здорово поругались, а потом Олег слышал, как всю ночь скрипела кровать. Ему представлялось, что они прыгают на панцирной сетке. Сквозь сон Олег улавливал, как вскрикивает мать, и думал: иногда взрослые ведут себя ненормально.

– Иди, – сказала мать.

Олег помчался на кухню, встал на колени на стул и потянулся к полке с кисточками. Он взял все три. Две больших и широких и одну узкую. Кисти были новыми, мягкими. Жестяные ободки на них ярко блестели.

Отец погладил его по голове, и Олег раздулся от гордости. Он знал, что мать смотрит на него из окна. Гораздо позже Олег понял, что она ревновала, и каждый такой жест мужа, по ее мнению, делал расстояние между ней и ребенком все больше. Мать ничего не забыла, наверное, до самой своей смерти. Олег никому об этом не рассказывал, даже тете Ирине.

В тот день они вдвоем одолели целую стену. Отец отлил краску в большую пустую жестянку из-под селедки и показал Олегу, как пользоваться маленькой кисточкой. Некоторое время отцова рука водила его рукой, но потом отец сказал, чтобы Олег работал самостоятельно. Он и работал, сидя на корточках и водя кистью вверх и вниз, снимая потеки. Не забывал и возвращаться к тому, что сделано, и следить за непрокрашенными участками. Олег поглядывал на отца в ожидании одобрения, но тот был погружен в свои мысли; похвалил он его только однажды – и этого хватило, чтобы мальчик ощутил себя счастливым. Отец сказал, что все правильно. Через час появилась мать.

– Собираетесь сделать перерыв? Я пожарила картошку.

Олег не хотел отрываться, но отец предложил сделать перерыв, и он, конечно, согласился. При этом уловил кислый и ядовитый взгляд матери. В шесть лет не очень понимаешь, что означают такие гримасы. Проглотив свою порцию картошки с луком и кусками мяса, Олег снова выбежал во двор и устремился к сараю; рядом с краской бродил их черно-белый кот Лобзик, награжденный этой собачьей кличкой в честь пса, который был у отца в детстве. Олег отогнал Лобзика ногой. Кот зашипел. Жить ему оставалось недолго.

Уходя спать в свою комнату, Олег стал свидетелем сцены между отцом и матерью. Основная часть осталась для него за кадром, но мальчик успел заметить, как мать влепила отцу пощечину. Звук получился громкий. Отец стоял, потирая щеку. Олег помнил, как закрыл дверь и в сумерках пошел к кровати; он ткнулся в ее край животом, ничего не видя от слез, и ждал продолжения. За стеной протопали отцовские ноги, и хлопнула входная дверь.

Он плакал и сейчас, не понимая, что с ним случилось.

с чувством, что его затягивает в водоворот, он ничего не мог поделать, и каждый раз, когда мать говорила что-то отцу, стараясь, что ее не услышали, у него все внутри обрывалось. Может быть, виной тому вопросы, которые он задавал? Но что же плохого он спрашивал? Когда умер отец, Олег считал, что это его вина

Олег плакал, сидя на кровати. Комары пищали у него над ухом. Что-то надвигалось, теперь он несколько в этом не сомневался; *недвусмысленный шорох костей достиг крещендо и стал стихать*, но Олег больше не мог терпеть. Он оделся, подхватил инструменты и ключ от дома тети Ирины и вышел во двор.

2. Дисбаланс

Они были отвратительными, эти разложенные на письменном столе листы. Безжизненные куски бумаги, от которых не было никакого толку. Наталья смотрела на них, обхватив себя руками за плечи.

На ней была доставшаяся от мамы шаль крупной вязки, похожая на сеть, и в ней Барышева всегда чувствовала себя эксцентричной женой какого-нибудь рыбака. Странная ассоциация, но, впрочем, вполне нормальная. Для нее. В атмосфере этой квартиры работалось свободней, чем на старом месте, но здесь не было прежнего вдохновения. Доказательство тому – эти пять листов распечатки с пьесой, над которой Наталья работала уже три недели и думала, что ей не суждено ее закончить никогда. На прежнем месте – та квартира не нравилась мужу потому, что в ней не было того, о чем он мечтал, – Наталье писалось труднее по многим причинам, но зато энергия так и фонтанировала из нее. Успевай только переносить слова в компьютер. Сейчас, заимев такие апартаменты – мечту любого писателя – она затосковала; письмо потеряло силу и смысл. Бесил в том числе и вид из окна. Новостройки, «элитное жилье», безлико-правильное, глянцевое, будто чисто вымытый общественный туалет.

Наталья предпочитала занавешиваться шторами, чтобы этого не видеть, но даже полумрак не поднимал ей настроения. В комнате был широкий пушистый ковер, роскошный, но уютный диван, два кресла, письменный стол и компьютер. Книги, еще не разобранные полностью, так и лежали в двух больших коробках, с одной еще даже не содрали скотч.

Наталья подумала, что может вскоре возненавидеть свой новый рабочий кабинет. Распечатка с началом первого действия пьесы была тому свидетелем. Пять мертвых листов текста. Намертво закрытых от нее, напоминающих заколоченные окна. Такого у Натальи еще не было, даже с теми двумя романами, которые она уже написала.

Может быть, все дело в новой мужчиной идее, попросту безумной идее, грозившей перевернуть их жизнь вверх дном (да что там, этот процесс уже начался). Вдохновение пропало, будто и не было, и ее охватило чувство ужаса, что она все делала напрасно.

Может, новая идея Виктора и была не более чем блажь, но как быть с ней? Чем объяснить ее тягу к писательству, которому Наталья посвятила три года жизни? Симптомами приближения к среднему возрасту? Временным помешательством на фоне гормонального дисбаланса? Наталья подумала: «Если я лишусь и этого, то останется наложить на себя руки». Ужас был силен, что и говорить, и ее затрясло – но это ничего не объясняло; ужас – только следствие странных, прямо-таки сверхъестественных перемен.

Наталья чувствовала себя потерявшейся в чужом городе, где ее пугало все, с чем она ни сталкивалась. Отвернувшись от письменного стола, женщина чуть раздвинула шторы и посмотрела наружу. Ей хотелось работать, но она не могла. Энергия улетала в пространство и рассеивалась без пользы. Самое худшее состояние для писателя; Наталья не раз сталкивалась с этим при работе над прозой, но ни разу не испытывала подобного кризиса.

Это продолжается четыре дня – бесконечное насилие над собой, попытка сломать неожиданно возникший барьер. Подступающая истерика. Отчаяние, которое не описать словами.

Наталья села в кресло, закрыла глаза и попыталась расслабиться. Ее угнетала пустота квартиры, в которой она находилась. Муж занят на работе, дочь занимается на курсах, готовясь к экзаменам в университет, и ей вообще нет дела до матери и того, что происходит дома. Девочка с головой ушла в ту жизнь, которая, по ее мнению, и есть настоящая. Наталья не разделяла этой точки зрения, но понимала, что требовать к себе внимания от выросшего, самостоятельного ребенка, было бы неправильно. То, что Наталья никак не может справиться с мыслью, что Лида выросла, это ее проблемы. Наталье их и решать. Она не забыла пожатие маленьких рученок, шепоты на ушко, шутки, которые были известны только им двоим, долгие

разговоры «между нами девочками». Время всех этих милых мелочей прошло безвозвратно, пора привыкать к одиночеству. Лидия превратилась в семнадцатилетнюю девушку – копию своего отца. Она точно знает, чего хочет от жизни.

Иногда Наталья смотрела на свою дочь и видела в ней машину, которая запрограммирована только на исполнение собственных желаний. Она упустила момент, когда отцовская наследственность стала брать в Лидии верх. С другой стороны, с этим все равно ничего нельзя поделать. Гены – это власть.

Проблема Натальи в том, что она не в силах справиться с переменами. Переезд на новую квартиру произошел четыре недели назад, а она никак не могла прийти в себя. Кризис отразился на всем. Наталья задумала пьесу давно, но приступила к работе уже на новом месте и в какой-то миг почувствовала, как почва уходит у нее из-под ног.

Сегодня ей приснился темный сумеречный лес, она слышала шум ветра в сосновых кронах над головой и проснулась с чувством, что сердце вот-вот разорвется.

Это плохие новости. Такие сны, Наталья знала по опыту, не предвещали ничего хорошего.

– Так, когда ты туда едешь? В родовое гнездо?

Виктор крутанулся на стуле, оглядывая пустой офис.

– Через два дня. А потом возьму отпуск, чтобы проконтролировать процесс.

– То есть, не сразу?

– Нет. Уйма работы, сам представляешь. Я там был только один раз. Это кошмар. Это не дом, а труп. На реанимацию нужны большие средства.

– Справишься?

– Шурик, обижаешь. – Виктор расслабил узел галстука. Его начинал бесить скептицизм некоторых коллег и приятелей. И зачем он растрезвонил всем о своей идее так рано? В таком предприятии, где было много неясностей, лучше до поры держать язык за зубами.

Странно все это, подумал Виктор. Я веду себя как мальчишка, который рассказывает приятелям во дворе, что скоро ему подарят дорогой велосипед, мечту любого парня.

Он не понимал, что происходит, и такая неуверенность пугала. Не давала чувствовать, что ситуация находится под контролем. А она под контролем? Пока – да. Виктор в одиночку пытается сдвинуть эту махину с места и заставить ее работать.

Он заставит.

– Ну смотри, желаю удачи. Потом на шашлычки пригласишь?

– Ага. Лет через пять. – Оба засмеялись. Его старый приятель, один из совладельцев крупной фирмы-перевозчика, так развеселился, что стал кашлять. Александр много курил, и Виктор подозревал, что у него что-то там с легкими. Может, Шурик скрывает свою болезнь. Кашель был нехорошим.

– Ладно, расслабься, – сказал Виктор. – У меня все под контролем.

– Рад. – Собеседник вздохнул, воздух зашипел в трубке.

Виктор поглядел в окно. Из его офиса открывался вид на улицу. Тоскливая однообразная картина. Большой город. Плохая атмосфера, суeta, грохот. Чувство, что глотка постоянно забита пылью, в которой содержится вся таблица Менделеева.

Виктор принял верное решение.

Жена не особенно поддерживает его, или это только ему кажется? Между ними не было большого разговора, Виктор Барышев запланировал провести его сегодня вечером. Нужно было обсудить организационные вопросы. Через два дня они с Натальей поедут к озеру и осмотрят дом вдвоем. Ему было интересно, что она скажет. «Если только не начнет стонать о том, что ей это не по плечу и что она устала... от собственного безделья...» – подумал Виктор. Ладонь, в которой была трубка сотового, вспотела.

– Ладно, пока. Если что, если понадобится помощь, звони, – сказал Шурик.

Они попрощались. Приятель не верил в его проект. Видимо, не верил никто. Все наблюдали за тем, как будут развиваться события, и дарили Виктору вежливые улыбки. Кажется, об этом говорил весь банк, до последнего кассира...

Виктор предпочитал обращаться к кому-либо только в крайнем случае. Таковы были его правила. Если начнешь повсюду выклянчивать поддержку, быстро размякнешь и станешь как студень. Виктор достиг своего нынешнего положения исключительно благодаря тому, что шел вперед сжав кулаки и пробивая любые препятствия в одиночку. Он был самостоятельный игрок в этом мире, не любящем сантиментов. Приятели и партнеры – хорошо. Но ты все должен делать сам. Во имя общих интересов и себя самого.

Но не потому ли, забравшись почти на самый верх, он так тяжело переживает одиночество? Может быть, и так, но своим принципам Виктор не изменит. Это невозможно. Очередная его цель – вероятно, самый важный проект в его жизни, – требовала больших затрат и усилий как душевных, так и физических, но к ней Виктор шел невзирая ни на какие препоны.

Прикидывая, сколько еще надо сделать после больше чем полугода всевозможных бюрократических проволочек, Виктор отмечал, что поработал не зря. Его репутация, как человека незыблемых принципов, ковавшаяся годами, помогала ему всегда.

И связи, конечно, связи.

И деньги... Он, член совета директоров крупного банка и совладелец, имел достаточно средств, чтобы довести дело до конца.

Впереди еще много работы, но теперь все сводилось к тому, чтобы восстановить сам дом. Операции с землей остались позади. Также решены проблемы с доказательством его права на возврат недвижимости, принадлежавшей предкам по отцовской линии. Все на законных основаниях.

Виктора удивил результат. Он приготовился к тяжелой битве с бюрократической гидрой, но, оказалось, все не так и страшно.

Виктор встал со стула, потянулся, прошелся по офису, в котором был один. Глядя в окно на серую улицу и разноцветные пятна машин, он подумал: я прав.

Вспоминалась первая поездка к озеру. Чувство неясной тревоги и предвкушения. Нет, Виктор не ждал чудес. В его понимании, все было логично. Рано или поздно ему предстояло встретиться с домом лицом к лицу. Как сказала Наталья: «Чем дальше, тем сильнее он тебя зовет». Да, наверное, это был зов родового гнезда.

Дождливый летний день, размокшие дороги, по которым его джип пробирался словно танк через болото. Доехать удалось без приключений, и Виктор увидел дом своей мечты сразу, как только съехал с тропы, ведущей в дачный поселок. Он считал, что заблудится, так как ехал без карты – только по описанию.

Дом выскользнул из-за дождевой завесы – Виктор ударил по тормозам. Джип остановился на склоне небольшого пригорка, а потом его колеса проскользили по мокрой траве еще полметра. Наконец, машина остановилась.

Виктор опустил стекло и стал смотреть на дом. Особняк девятнадцатого века, если быть точным. Он его видел на фотографиях, которые лежали в ящике письменного стола, но наблюдать это живую совсем другое дело.

Дом выглядел унылым и заброшенным. Проливной дождь усиливал это впечатление. Но чем больше Виктор присматривался к нему, тем сильнее чувствовалось его затаенное злорадство. Дом давал понять, что еще полон сил, а внешний вид – ерунда. Вполне устранимая проблема. Для того, кто не ленится. Виктор никогда не ленился. Он принял вызов, и был рад тому, что наконец-то перед ним была достойная цель.

Достойный противник...

Если до той поездки у Виктора имелись кое-какие сомнения, то после нее они исчезли. Он не испугался дождя и вышел из машины, чтобы совершить обход вокруг особняка. Шел по траве, а она пружинила и была скользкой.

Дом внушал неясные опасения, но и умел убеждать. Виктор чувствовал биение невидимого сердца за искрошенными облезлыми стенами. Осознание этого явилось своеобразной печатью на договоре, заключенном между Виктором и домом.

Назад пути не было.

Через два дня он поедет к озеру с Натальей. Виктор надеялся, что новые впечатления развеют ее депрессию. То, что жена опять начала всерьез хандрить, Виктор не сомневался. Вчера она показала ему два листа пьесы и сказала, что он о них думает. «У меня затык, понимаешь? Не могу – и все», – сказала Наталья. У Виктора было свое мнение на этот счет. Вовсе не то, какое жена хотела бы услышать. Ей необходимо утешение и поддержка, а не вердикт вроде «Если не пишется – не пиши!» Несмотря на два романа, довольно неплохо продававшихся (женские любовные истории, которые Виктор терпеть не мог), он не считал, что писательство – настоящее занятие для Натальи. Год назад у них был разговор по этому поводу. Наталья сказала, что все равно будет писать. Виктор ответил, что, пожалуйста, он не препятствует. Только не надо говорить об этом постоянно в его присутствии.

Поглядев на новую порцию дерьмовой писанины (про себя Виктор так это и называл), он сказал, что надо поработать над точностью фраз. Конечно, он лишь делал вид. Ему было плевать. Мысли Виктора занимал дом и вся та куча (*дерьма*) проблем, которые на него свалятся в ближайшем будущем.

Наталья стояла, обхватив себя за плечи, в своей сетчатой шали, которая дико раздражала Виктора, и ждала. Он проглядел листы, думая... как хорошо было бы отхлестать этим дерьмом жену по физиономии. Наталья думает только о себе. Переезд на новую квартиру четыре недели назад сопровождался ее беспрестанными воплями по поводу того, что ее лишают возможности нормально жить и отдыхать в тишине и покое. Отдыхать? От чего? От лежания на диване? Виктор даже думал одно время поместить дома скрытые камеры, чтобы посмотреть, чем занимается его жена, но решил, что смысла в этом нет. Переезд еще больше отдалил их друг от друга. Но Виктору было не все равно. Он надеялся, что новое *семейное дело* решит эту проблему. Лида была за него – это вселяло уверенность. Дочь – плоть от плоти его ребенок, в последнее время она отошла от материнских сюсюканий и правильно сделала. В семнадцать лет нужно делать выбор.

Виктор был рад, что у Лиды четкие цели и ясные мысли. Девочка пошла в него, а он-то боялся, что она станет такой же, как ее мать... не в себе, чудачкой.

В общем, Виктор проявил себя истинным джентльменом и отдал жене распечатку.

– Не гони, сядь и подумай, в чем проблема, попытайся разобраться, – сказал он.

Наталья кивнула.

Ничего она не поняла. Это было видно по ее блуждающему взгляду. Когда-то Наталья думала, что станет известной романисткой. В тридцать три года иногда появляются такие безумные мысли. С тех пор она написала две поистине дерьмовые книги (так Виктор считал) и сейчас взялась за пьесу, повествующую о *нелегкой* судьбе проституток. Наталья даже название придумала «гениальное»: «Брось в шлюху камень». Виктора так и подмывало спросить, откуда ей известно, о чем думают проститутки и как вообще они живут? И этот христианский уклон с кучей аллюзий только отвращал его от жениного *произведения*.

«Лучше бы она писала прозу о том, как смуглые романтические красавцы имеют белых женщин, – подумал Виктор. – Это всем так нравится». У Натальи была куча поклонниц, которые писали ей на электронный адрес. Благодаря раскрутке ее книг издательством, она заимела много подхалимов и «друзей». Большая часть из них была, по мнению Виктора, сумасшед-

шими. Какие-то театральные деятели одобрили ее идею насчет пьесы. Кто-то уже загорелся поставить спектакль. Виктору было плевать на это. Он выдвинул только одно условие: чтобы никто из этой литературно-театральной тусовки не появлялся и близко от его дома.

Семейное дело вылечит Наталью от этой блажи. Обязано вылечить. Они снова станут семьей, как много лет назад.

Виктор вернулся за стол, чтобы сделать несколько деловых звонков. Он до сих пор не нашел достойных, по его мнению, подрядчиков. Над этим надо поработать. Виктор ощущал знакомую тягу, это чувство, возникшее в момент, когда он обходил дом, окруженный со всех сторон деревьями, вернулось неожиданно и завладело им. Виктор знал, что тянуть не стоит. Вряд ли им удастся въехать в особняк в этом году, но по крайней мере можно сделать большую часть капремонта.

Так ничего и не придумав насчет пьесы, Наталья принялась готовить обед. Листы с текстом она на всякий случай принесла с собой на кухню и положила на подоконник. Наталья не прекращала попыток открыть дверь, которая захлопнулась в ее голове так внезапно. Нужен толчок. Работая над вторым романом («Маргаритки в тени»), Наталья примерно на середине почувствовала, что больше не может. Кто-то будто набросил повязку ей на глаза, лишив возможности созерцать удивительный пейзаж. «Затык» продолжался двое суток. В это время Наталья спала. Она съела большое количество снотворного, слишком большое, но именно сны помогли ей выйти из тупика. Действие пошло дальше. Закончив роман, Наталья испытала наслаждение.

С пьесой было сложнее. Муж не понимал и не принимал писательства Натальи. Пожалуй, это было самым тяжелым.

Прежнюю домработницу Виктор уволил месяц назад, а новую до сих пор не взял, поэтому Наталье приходилось выполнять всю работу по дому. Она стирала, мыла и готовила с овечьей кротостью. Физический труд помогал Наталье бороться с тем, что на нее навалилось. Лида не сообщала, приедет на обед или нет и где вообще находится, но она все равно занялась готовкой. Чистка картошки как последнее средство спасения... Полчаса назад позвонил Виктор и сказал, что все рассчитал. «Он всегда рассчитывает, в его планах нет места вольностям. Все строго как в казарме, – подумала Наталья. – А я всю жизнь приспособливалась». Виктор сообщил, что дом они поедут смотреть через два дня. Наталья видела особняк только на фотографиях и не могла поверить в его реальность. Снимки ей ни о чем не говорили. Казалось, Виктор задумал подшутить над ней. Поставить какой-то эксперимент.

Когда он впервые объяснил ей, в чем дело, она испугалась. Его предки владели этим домом и землями вокруг него, и хотя родство было не очень близким, Виктор имел права затребовать возвращение собственности. И затребовал. Наталья боялась того, что последует за этим. Она была права. Бесконечные консультации, генеалогическое расследование, архивы, беседы с людьми, которые занимались этим по просьбе мужа... В сознании Натальи все смешалось. Она не имела понятия, в какую сумму ему вылилось это, сколько всего он сделал за полгода с лишним. Параллельно они занимались покупкой и переездом на эту проклятую новую квартиру. Как такое способен проделать один человек?

Наталья жила последние месяцы с чувством постоянной тревоги. Лида посмеивалась над ее страхами. Она теперь взяла себе моду поглядывать на мать искоса – в подражании Виктору. Наталья находила убежище в писательстве, в своем крошечном домике, стоящем на ураганном ветру. В промежутке между окончанием и выходом «Маргариток в тени» и началом пьесы был еще один роман; нетипичный. Позже она поняла, что писала эту вещь для того, чтобы как-то защититься от мира, которого не понимала, от событий, которые сводили ее с ума.

Файл с этим романом до сих пор лежит в ее компьютере, в архивной папке. Наталья боялась заглядывать в него. Про себя она дала ему название «Страшная Книга». В ней было

много боли и страха – это единственное, что Наталья знала доподлинно. О чем был роман? О женщине, которую заперли в пустом доме... Когда Наталья сообразила, что ее писание может стать пророчеством, она прекратила работать над Страшной Книгой. Одной из причин, почему появилась пьеса, это стремление забыть те сумеречные часы, которые Наталья провела одна, описывая историю ужаса и несчастий...

Она отложила нож, налила в кастрюлю воды, поставила на огонь. Смотрела на картошку минуту или полторы и только потом вспомнила, что надо ее посолить.

«Родовое гнездо»... Муж сказал, что сделает все возможное, чтобы оживить дом. В перспективе их ждет жизнь за городом, в огромном холодном склепе посреди леса. Так себе Наталья представляла результаты мужниного проекта. Но не это страшило ее. Виктор настоял, чтобы именно она занималась координацией работ по ремонту здания в его отсутствие. «Почему я?» – спросила Наталья. «Мне нужно на кого-то положиться, понимаешь. Ведь это семейное дело. Это наш дом, Наташа. Тебе всего и надо, что жить там и присматривать за рабочими, связываться со мной и докладывать, как дела. Я не могу посвятить этому все время... Понимаешь?» Наталья понимала. В первую очередь то, что ее вышвыривают на середину реки и приказывают плыть, зная, что она никогда не научится это делать. «Мы снимем дачу у местных – там рядом поселок – и ты проведешь какое-то время на свежем воздухе, на природе. Чем плохо? Много от тебя я не требую, – добавил Виктор. – Я поговорю с местными, найдется ли у них сторож, который будет следить по ночам за стройкой. И проблема будет решена. Я буду наезжать периодически, а потом возьму отпуск на неделю. И тебе помогу. Не бойся. Это важное дело. Мне нужна твоя помощь, Наташа». Ей было ясно, что это не просто просьба, основанная на ее чувстве долга перед семьей, а приказ, не терпящий возражения. За невыполнение таких приказов на войне расстреливают. Наталья запомнила глаза Виктора: две амбразуры в глухой стене, из которых светят ледяным светом два прожектора.

Наталья согласилась и, кажется, ей удалось разыграть заинтересованность. Спустя несколько часов она лежала рядом с Виктором и думала о самоубийстве. Минут пять. Пьеса не шла и, наверное, не пойдет, муж не любит ее, дочь стала слишком похожа на него... Какие еще нужны причины, чтобы наложить на себя руки? Однажды Виктор назвал ее сумасшедшей. Он был прав. Ей давно надо обратиться к специалистам. На суицид Наталья не решилась, ее остановила новая мысль: что если именно такая перемена обстановки поможет ей вырваться из плена комплексов и патологической тревоги? ...и ты проведешь какое-то время на свежем воздухе, на природе... Виктор имел в виду как раз ее состояние.

Наталья встала с кровати и пошла в ванную. Она обдумывала свое положение, сидя на корзине с грязным бельем; затем отыскиала пачку сигареты – длинных «Вог» – и закурила. У нее нет иного выхода, лучше смириться.

Зазвонил лежащий рядом с листами пьесы телефон. Наталья взяла трубку. Лида. В глаза бросилась фраза из ремарки: *«Ее движения выдают крайнюю нервозность, и Анна смотрит на Сашу...»*

Какое невиданное убожество. Наталья почувствовала боль и стыд.

– Ты приедешь?

– Да, минут через тридцать.

– А потом?

– Дома буду. Устала, – сказала Лида. – Занятия кончились.

– Ладно. Жду. Давай.

Наталья вернулась к плите, поставила на огонь сковородку, налила масло. Механические движения, пластика зомби.

Лида собирается провести остаток дня дома. Станный неожиданный подарок. Особенно не приходится рассчитывать на ее внимание, но то, что дочь будет рядом, уже хорошо. Наталья почувствовала, что готова расплакаться.

Испугавшись, что может впасть в истерику, она переключилась на свинные отбивные. Куски мяса обсыпала панировочными сухарями и выложила на сковородку. Масло зашипело.

Ей нужна помощь, она совершенно выбита из колеи. Но кто об этом думает? Наталья потерла плечи, потом увидела свою сетчатую шаль, лежавшую на стуле. С ней как-то спокойней.

Лида поставила себе цель поступить на экономический факультет и шла к ней с целеустремленностью робота. Это желание она официально высказала в последнем классе, за месяц до выпускных экзаменов, чем порадовала отца. Лида не подлизывалась к нему – она в этом не нуждалась. Виктор оценил прямоту дочери и подарил ей машину. Прав у Лиды еще не было, поэтому подарок стоял в гараже. Наталья представляла себе автомобильное будущее дочери в самых черных тонах. Ей приходилось одергивать себя, напоминая, чтобы она не судила о других по себе. Наталья водила, но только мужнин транспорт. Она боялась ответственности. Но это, похоже, ничуть Лиду не смущало; девочка никуда не спешила, словно знала, что и когда в ее жизни случится. Этапы. Пункты. Наталья считала, что где-то у Лиды есть тщательно составленный план, лет на десять вперед. Такой план мог быть только на ее компьютере, но туда она не имела доступа.

Проблема не в плане или в излишней прагматичности Лиды. Наталья просто потеряла способность понимать своего ребенка. Между ними пролегла пропасть.

Наталья не сомневалась, что у дочери есть необходимые задатки, но не одобряла ее выбор. Сама она оканчивала математический факультет университета, но никогда не работала там, гдегодились бы ее знания. Выйдя замуж за Виктора, Наталья вообще стала домохозяйкой. Это тоже был *приказ*. Муж взял на себя полную ответственность за семью и ни разу не отошел от своей магистральной линии. Это вселяло в Наталью и гордость, и страх. Она не знала – никогда не знала – что творится в душе мужа. Иногда и внешних проявлений было достаточно, чтобы понять его отношение к ней. В конце концов, Наталья смирилась. Если не так, то как должно быть? Если дочь пойдет не туда, куда задумала, то куда? Все неодобрение Натальи исходит из эгоизма, это она понимала.

Осознание уязвимости своих позиций заставляло ее искать тайного убежища. Но его не было. Даже писательство оказалось не тем, что надо. Наталья надеялась, что ошибается.

Она подумала о своей Страшной Книге. Она хотела к ней вернуться. Чем хуже было положение с пьесой, тем тяга Книги становилась сильнее.

Может быть, это и есть ответ на несказанный вопрос... Возврат к *нетипичному* роману. Поездка за город, подальше от безумия мегаполиса, от механистичности, которая пронизывают всю ее жизнь.

Лида открыла своим ключом и вошла в прихожую. По школьной привычке бросила рюкзак на пол.

– Мама.

Девушка поцеловала Наталью в щеку. Они посмотрели друг на друга. Лида пила пиво, от нее пахло.

– Что? – спросила Лида.

Натуральный отец, подумала Наталья. Улыбка и холодные северные глаза. Но такие приятательные и красивые.

– Не рассказываешь, как дела, – сказал Наталья. – Ну? Поделишься секретом?

– А что рассказывать? На подготовишках такие дундуки сидят, диву даешься. Ничего не знаю, такие вопросы задают!..

Лида отвернулась к зеркалу и стала завязывать хвостики по бокам головы. Волосы у нее были светло-пепельными.

– Ну ты как думаешь? Справишься? С экзаменами?

– Справлюсь. На пять справлюсь. А что, не похоже?

С двумя хвостиками Лида казалась двенадцатилетней девчонкой. Наталья спросила себя, могла ли она что-то упустить? Можно ли было предотвратить превращение дочери в копию Виктора Барышева?

– Будем надеяться, – сказала Наталья.

– А как твоя пьеса?

Лида читала начало первого действия и высказала одобрение. Наталья до сих пор не могла понять, всерьез она или только стремится ее поддержать. В любом случае, было приятно.

– Ничего хорошего, – ответила Наталья. – Может, мне вообще не надо писать это...

– Ты трудно привыкаешь к новому месту. Освоишься. Здесь неплохо, мне нравится. Не знаю, мам, сама думай... твое произведение. – Лида улыбнулась, проходя мимо матери на кухню. – О, котлетки. Это хорошо... – Девушка вынула из холодильника томатный сок в коробке, взболтала его и налила в стакан. Виктор взбалтывал сок или кефир точно таким же движением.

У Натальи перехватило горло. Она кашлянула и стала переворачивать котлеты. Усталость свалилась на нее без предупреждения и придавила – словно тонна влажной щебенки.

– Так ты поедешь?

– Куда?

– Ну, посмотреть особняк? – спросила Лида.

– Откуда ты знаешь?

Наталью удивил собственный жалобный тон.

– Папа звонил. Недавно. Сегодня.

– Поеду. Так или иначе, надо все осмотреть.

– Я бы тоже поехала, – сообщила девушка.

Наталья повернулась к ней. На ее вопросительный взгляд Лида пожала плечами.

– У нас будет свой дом! От предков. Мы, оказывается, аристократы... Дворяне!

– Не мы, а ты – и то, на какую часть?

– Это не важно, – возразила Лида. – У нас есть то, чего у других нет. Папа правильно сделал. Я хочу там жить, как жили всякие там прабабки и прадедки. Вообще, удивительно, что особняк стоит. Как его после семнадцатого года не разнесли по кирпичику, не понимаю.

– По-моему, ты романтизируешь, – заметила мать.

– Нет! – сказала Лида, улыбаясь. – А даже если так, то это же хорошо. Наш родовой замок, сама подумай. У кого еще есть такой? Зачем все эти коттеджи, заборы, легион охраны и всякой ерунды? Папа правильно не хотел жить так. Теперь у нас есть поместье.

– Всего лишь старый дом, в котором сто лет никто не живет, – возразила Наталья. Она знала, что дочь все равно не переубедить. Лида была верным союзником Барышева в этом начинании.

– Ничего. Починим, интерьер сделаем, какой надо. Папа сказал, что я могу в этом участвовать, мы потом с ним обсудим проекты.

«Мы потом с ним...» Ни слова о ней. Наталья, как положено домохозяйке, перевернула котлеты еще раз.

– Так ты будешь там следить за всем?

– Буду. – В этот момент Наталья сама поверила, что будет. Ничего, казалось, нет невозможного, и зря она сопротивляется.

– Я к тебе стану приезжать, – сказала Лида.

Пустой стакан она поставила на стол. Никогда в раковину – только на стол.

– Тебе же экзамены сдавать нужно, – сказала Наталья.

– Разберемся.

Ни тени иронии, голая убежденность, не оставляющая никаких сомнений. Наталье вдруг стало холодно. То, что ее морозит, явно указывает на депрессию. Обычно за этим приходит сонливость. Лида вышла из кухни, чтобы переодеться. Наталья услышала, как включился телевизор, затем, уже в комнате Лиды, заиграла музыка. Молодые не любят тишину.

Наталья подумала о своей Страшной Книге, а потом посмотрела на пьесу, на ее немощный кусок, лежащий на подоконнике.

женищина мечется в пустом доме и не может найти выход... вот о чем ее роман – нетипичный...

Наталья не хотела думать, что это имеет отношение к дому, с которым ей предстояло вскоре увидеться. Какая здесь может быть связь? Чистой воды совпадение, хотя в Страшной Книге тоже есть дом на отшибе, глухое место и героиня, у которой не все в порядке с головой. Наталья писала этот роман уже зная о том, что хочет сделать Виктор. И все-таки это не совпадение.

3. Особняк

В ту ночь Олег починил шкаф в доме тети Ирины, вымел пыль, поправил один ставень, наколот дров. Он работал в темноте до самого утра, а часов в шесть почувствовал, наконец, что усталость приближается к критической точке.

Вернувшись домой, он упал на кровать и уснул. Соседи разбудили его через два с небольшим часа и попросили починить забор. Олег не воспротивился, подхватил инструменты и пошел выполнять просьбу. Очень редко он отказывался от чего-то. Летом производил самые разные работы, а зимой сторожил дома, в которых не живут. Обычное дело. Такая жизнь ему по вкусу. Она не нарушает уединения. Сон, вызванный усталостью, в этот раз не принес страха и призраков. Кости молчали – Олег радовался, что они исчезли, пусть и на время. К тому моменту, когда он справился с забором – всего-то и надо было укрепить две доски – Олег успел забыть о ночном томлении. В конце концов, проблему можно решить. Тетя Ирина должна знать средство против бессонницы (и, конечно, не посоветует, как сделал один местный: «Заведи бабу. Думать о чем-то будет просто некогда, а потом спи себе – из пушки не разбудишь»).

Получив деньги (Олег никогда не брал плату спиртным, а если шел обмен, то только на продукты или дрова), он вернулся в свой дом.

Утро набирало силу. Солнечные лучи и прохлада – редкое сочетание. Олег постоял на крыльце, улыбаясь. Каждый листочек вибрировал, выбрасывая в пространство жизненную силу. Вспоминать о Зое не хотелось. Но он вспомнил... В тот день тоже стояла хорошая погода. Олег помогал выволакивать труп. Труп положили в машину и увезли в морг.

Олег поежился, потер свои плечи. Внезапно налетел холодный ветер, ему стало неуютно и зябко. Мысль пойти на озеро показалась настоящим спасением от дурных воспоминаний. Где-то поблизости еще бродили ночные фантомы. Отец с окровавленными руками. Мать в розовой косынке. Запах краски, которой красили заборы.

«Надоело!» – подумал Олег. Подхватив сигареты, он захлопнул входную дверь и пересек двор. Закрыв калитку в низком заборе и пошел вдоль улицы. Оказавшись на тропинке, бегущей через лес, Олег вздохнул полной грудью. Пахло хвоей, листвой и землей.

Когда-то в детстве ему хотелось поселиться в лесу, построить шалаш и жить среди деревьев. Позже он понял, что одного желания мало. Лес может быть опасным. Иногда деревья смотрели на него из глубоких трещин в толстой коре. Наблюдали. Олег не вредил лесу. Окурки, которые оставались от сигарет, он зарывал в землю, мысленно прося прощения у тех, кто обитал тут с незапамятных времен. О том, кто это, Олег имел смутные представления. Вероятно, существа, которых привозная религия причисляет к силам зла. Кости не высказывали мнения по этому поводу. Лес их мало интересовал.

Олег вышел на опушку примерно через сто-сто пятьдесят метров. Справа виднелось озеро Утиное. Неровный овал с небольшим островком посередине, покрытым соснами. На противоположном берегу стеной высится темно-зеленая стена леса. Водная гладь спокойная. Олег приложил руку к бровям. Странно. Никаких городских пижонов. Вдали, из лесной чащи, поднимается струйка дыма, но это, скорее всего, местные. Олег давно знал, что Утиное не очень-то пользуется популярностью у людей из города. От соседей Олег слышал о нескольких несчастных случаях на озере. Будто бы там нашли в семидесятых годах машину, внутри которой были трое утопленников. Местные мальчишки увидели ее во время купания. Может, те люди покончили с собой, а может, их кто-то убил. Милиция так ничего и не выяснила. Поводов же для пересудов было достаточно. Другая история повествовала о девушке, которая повисла на дереве, росшем над водой. Ее заметили рыбаки. Сколько девушка там провисела, никто, конечно, не знал, но только – как передавалось из уст в уста с благоговейным страхом – на ней была много мух, тучи мух. Мухи любят тухлое мясо. А когда один рыбак влез на

дерево и срезал веревку под присмотром приехавшего наряда милиции, труп плюхнулся в воду и будто бы у него отлетела голова. Олег в это не верил. Но факты – вещь упрямая. Озеро имело нехорошую репутацию. Олег думал о самой плоти этой земли, о том, кто здесь жил и какие чувства испытывал. О лесе и воде. Не всем под силу жить здесь. (*И оставаться в своем уме...*)

Олег хотел спуститься к озеру, но свернул не направо, а налево. Он шел еще минут десять, продираясь сквозь заросли, поглотившие тропинку почти целиком, пока не очутился у подножия невысокого холма. Уже отсюда открывался вид на старинный заброшенный особняк. Олег поднялся выше по склону, перешагнул через разрушенную каменную стену, и остановился. Это место было еще более странным, чем озеро.

Он не приближался к дому – сейчас как-то не хотелось. Лучше смотреть со стороны.

Олег сел на один из камней, оставшихся от ограды, и уставился перед собой. Вынул сигарету, закурил. Он не имел ни малейшего представления, почему пришел сюда. В тишине стрекотали кузнечики. Солнц зашло за облако, бросив на особняк большую размашистую тень.

Вечер Олег посвятил разбору вещей из мешков – сокровищам, которые нашел на своем чердаке. Среди вещей не нашлось ничего интересного. Старая обувь, детские лыжи, сломанные мышеловки, проткнутый мяч, обломки стула, кашпо для цветов разных размеров, большинство сломанных, распиленные для чего-то черенки от лопат; также были связки газет и журналов, книги, пара картин, не представляющих никакой ценности, керосиновая лампа, куклы, доски. Все это Олег, конечно, видел во время приборки, но надеялся втайне, что наткнется на что-нибудь неординарное.

В конце концов, ему надоело копаться в останках чужой жизни. Он распределил весь хлам на то, что пригодится и все остальное, годное лишь для свалки. Привлекали газеты. Олег прочитывал кусочки статей, ничего не значащих, пустых, но притягательных. Пожелтевшая отсыревшая бумага напоминала пергамент. Взгляд скользил по строчкам, вылавливая отдельные фразы. Олег долго не мог оторваться от старых газет, пока не понял, что эта зараза затягивает слишком сильно. Он отнес газеты и журналы в сарай и положил в угол. Они пригодятся на растопку. Туда же отправились деревянные обломки стульев и доски, которые ни к чему не приладишь.

После ревизии Олег отнес мусор на свалку. Потом до самой темноты он сидел возле дома и думал об особняке.

На следующий день после того, как тетя Ирина вернулась и похвалила Олега за работу, он увидел возле ее дома джип. Черно-серебристый. Ничего подобного в поселке еще не было. Соседи выглядывали из своих дворов посмотреть, кто это мог приехать. Валентина Синицына подозвала Олега к себе и спросила, знает ли он что-нибудь. Тот ответил: не знает. Может быть, дачники.

Людей из города здесь не было давно. На памяти Олега никто не пытался поселиться здесь, чтобы провести в приятной обстановке неделю-другую. Он подумал, что слухи о новом обитателе поселка уже распространились. В таком месте можно скрыться, но мало удастся скрыть. Он – исключение.

Подошел Старостин, живущий на другом конце поселка в покосившемся доме.

– Сначала ко мне заехали, – сообщил он.

– Что им было надо? – спросила Синицына.

– Дачку снять. Или комнату.

Старостин поправил кепку и позвенел ключами в карманах. Олегу захотелось уйти. Старостин смотрел на машину.

– Богатей. Только на таких машинах они ездят. И какого лешего ему здесь понадобилось?

Валентина не смотрела на машину, а вглядывалась в окна дома тети Ирины. Олег испытывал прилив ревности.

– А что он делает у Шведовой? – спросила Сеницына.

– Я сказал, что она может сдать комнату.

– А ты что же?

Старостин причмокнул губами, он был обижен и не скрывал разочарования.

– Не понравилось ему, видите ли. Весь дом мне этим... лосьоном после бритья провонял.

Сказал, что у меня слишком сыро да и домишко кривой.

Все и так знали, что это правда. Старостина задела реакция постороннего.

– Я спросил, зачем ему, а он ничего не сказал. Пижон проклятый.

– Тебе-то что – пижон или не пижон? – спросила Валентина. – Иди, гуляй себе. Приехали, значит, надо.

Старостин перевел взгляд на Олега, который стоял рядом и не знал, что сказать.

– Закурить есть? Мои кончились?

Олег протянул ему пачку.

– Понаедут, житья от них не будет. И какого лешего надо? – сказал Старостин, закуривая. Он вернул Олегу сигареты не глядя. Олег ощутил себя мальчишкой рядом с взрослыми, которому не дают слово. И вообще, эта большая блестящая машина его пугала. Он не смог бы жить в большом городе уже потому, что там их много.

Валентина махнула рукой и отправилась по своим делам. Тапочки без задников шлепали по ее пыльным пяткам. Старостин рискнул подойти к машине поближе, изображая знатока, и Олег воспользовался этим, чтобы улизнуть. Его видела Лиза Сеницына, идущая в сторону дома Шведовой. Девчонка подумала, что он нарочно избегает ее. Повстречавшись с матерью, Лиза выслушала от нее очередную нотацию. Они разошлись каждый при своем. Лиза посмотрела на дом Олега. Тот успел войти внутрь.

Девушка вздохнула. Потом ее внимание отвлек автомобиль. И светловолосый человек, выходящий из дома Шведовой.

Хозяйка вышла вслед за Виктором. Она ему понравилась. Спокойная рассудительная женщина, не задающая лишних вопросов. Виктор был доволен переговорами. Проблема жилья для Натальи решена, он снял комнату в доме Шведовой на месяц (первоначально – может быть, и на более долгий срок). Более того, Виктор знал, что начнутся пересуды, и поэтому сразу рассказал этой женщине о цели своего визита. Комната предназначена для его жены, которая будет следить за ремонтом в особняке. Возможно, и он сам приедет сюда через какое-то время пожить. Обещал чистоту, аккуратность, тишину. Шведова ответила, что если здесь не будет шумных попок, то она согласна. Виктору понравился деловой подход. Они поняли друг друга и хотели получить выгоду от сделки. Следуя многолетней профессиональной привычке, он собирался вначале оформить договор на бумаге, но подумал, что это лишне. Так здесь не принято. Да и вряд ли овчинка стоит выделки. Все решают деньги. Шведова назвала цену – с учетом питания и коммунальных услуг – и Виктор удвоил эту сумму. Также он сказал, что если что-то понадобится по ремонту дома или какие-то иные услуги, она может обращаться к нему. Вот визитка. Там были указаны все контактные телефоны. Виктор не стал уточнять, есть ли у Шведовой сотовый. Если нужно будет, найдет способ связаться. Или попросит постолицу. Уже в конце она спросила: собираются ли они жить в доме после того, как будет сделан ремонт. Виктора удивил этот вопрос. Да, конечно. Я ведь возвращаю своей семье ответственность. Словно одобряя его поступок, Шведова улыбнулась. Станный у нее был выговор, певучий, убаюкивающий. Почти колдовской. Виктор вышел из дома с чувством выполненного долга, думая, что не зря изменил своим планам и съездил к озеру один, чтобы договориться заранее.

– Послезавтра мы приедем сюда с женой, посмотрим особняк и зайдем к вам. И она здесь останется, – добавил он.

Виктор краем глаза увидел, что кое-кто из соседей смотрит на него. Они держались на некотором расстоянии от машины. Его джип торчал посреди всей этой деревенской обстановки как громадный валун в чистом поле.

Хозяйка дома все еще держала в руке визитную карточку.

– Значит, договорились, – сказал Виктор у самой калитки.

– Конечно. Приезжайте, буду рада. Если что, так и ваша дочь может тут пожить.

Виктор кивнул, вытаскивая из кармана темные очки.

– Вообще-то, у нее занятия, но я ей скажу, что если она захочет, то может приехать. Спасибо.

– Вам спасибо.

Они раскланялись. Виктор вышел на улицу. На него смотрели двое. Мужчина, к которому он заглянул первым и который посоветовал снять квартиру у Шведовой, и девочка-подросток с белыми волосами и отрешенным лицом, одетая в майку и шорты. Они стояли не двигаясь. Виктор подумал, что они нарочно сговорились образовать эту композицию. Словно позировали для картины на сельскую тему.

Придет время, и ему придется познакомиться со всеми ними. Соседи все-таки. Сказав этим двоим «Всего хорошего!», он влез в машину и включил кондиционер. Надел темные очки. От яркого солнца у него перед глазами заплескали цветные точки. Мужчина в кепке курил. Он был недоволен тем, что Виктор отверг его халупу. Но там пахло грязным бельем и гарью. Да еще казалось, что от сильного порыва ветра дача просто свалится набок. Джип тронулся с места и покатил по улице. Выехав из поселка, Виктор переключился на другую проблему. Ему надо еще раз осмотреть дом и возвращаться в город.

Вечером они все обсудят с женой.

Шведова поглядела на визитку в своих пальцах. Непривычная вещь для нее. Артефакт мира, который она не знала, внушал ей легкую неприязнь. Глянцевый прямоугольный кусочек благополучия и преуспевания. И деньги. Этот мужчина был профессионально щедр – потому что так надо; услуга за услугу и еще немного сверху. Судя по всему, он хорошо осознавал, что ему придется жить здесь... после того, как дом у озера придет в надлежащий вид. Шведова не могла себе представить, что кто-то может жить в особняке. Невероятная мысль. Виктор Барышев. Шведова сунула визитку в карман и посмотрела на Старостина и дочку Синицыных, которые стояли по другую сторону забора. Теперь всем будет интересно, о чем был разговор и что здесь надо этому человеку на машине.

Шведова постояла, ожидая, что ее окликнут. Сама она не испытывала желания обсуждать эту тему. Особняк ее беспокоил. С той минуты, когда Барышев упомянул о нем, Шведова чувствовала неуверенность и тревогу. Все знали, что у особняка дурная слава. Само это место нехорошее... Оставалось надеяться, что Барышев ничего не заподозрил. Ей приходилось прятать свои чувства. Однажды дом уже собирались купить, но ничего хорошего из этого не вышло. Местные знают эту историю. И, наверное, знает сам Барышев – вопрос в том, какая часть истории ему известна.

«Дворянские потомки, семья. Хотят вернуть себе прежний статус. Он так и сказал – «прежний статус». Но ведь это невозможно... неужели он не понимает? – подумала Шведова. – Дом не даст им завладеть собой, это же ясно». Шведова повернулась и пошла в дом, чувствуя, что начинает болеть голова. Видимо, давление опять скачет. С момента возвращения от родственников, ее самочувствие было неважным. Женщина подумала, что давно предугадывала нечто подобное. У особняка появился новый хозяин, но вот от кого исходила эта инициатива,

неизвестно. Только ли от этого уверенного в себе городского человека, считающего, что нет ничего невозможного. Шведова не знала правильного ответа на свой вопрос.

Она вообще ничего не хотела об этом знать. Вчера ночью она увидела во сне голые черепа, лежащие в траве и скалящиеся яркому солнцу. Выбеленные кости и сочная зелень. Проснулась Шведова с сильнейшей головной болью, и пришлось принять таблетку. Увидев час назад подъезжающую к калитке огромную машину, она ощутила сильный страх. Во время разговора с банкиром она была точно в полусне. Кивала, отвечала на его вопросы, улыбалась. Как будто гипноз.

Дать жилье женщине, которая будет присматривать за ремонтом в особняке... Никаких проблем. (Хотя сама идея глупая и явно не «профессиональная».) Мы будем соседями... Я очень рада. Я сниму у вас комнату на месяц... Да хоть навсегда, мне и веселей... Каких глупостей она ему наговорила! Только теперь Шведова поняла, что страх-то и заставил ее быть такой любезной и подчиняющейся.

Она приняла таблетку и легла на кровать. Ей не хотелось никого видеть.

Старостин потушил сигарету об сапог, сплюнул на землю, и поглядел на Синицыну. Девчонка смотрела на дом Олега.

– Ну, чего встала, zenки выпадут, – сказал он.

Лиза поглядела на него светлыми глазами, надула губы и пошла прочь. Точь-в-точь как мать. Старостин созерцал ее ноги, вырастающие из шорт, и думал о том, что уже слишком стар. Для всего.

Олег стоял у окна и прислушивался. Кости начали двигаться три минуты назад, их шорох и взаимное трение казались оглушающими. Это могло значить, что они недовольны, они злы на него. За что? Олег потерял лоб, ему всегда казалось, что голос костей исходит как раз из середины лба.

тебе только приснилось, не придумывай. Они не могут шевелиться сами по себе, Олег

Визит человека в черной машине имел какое-то скрытое значение. Его появление наверняка связано с тем, что Олег чувствовал. Не об этом ли говорили его тревожные короткие сны в последние дни? И почему этот городской приходил именно к тете Ирине? Кости, конечно, не ответят, им лучше изводить его своим тайным гневом, причину которого Олег не знает...

Позже зайду к ней, решил он и тут заметил Лизу Синицыну, проходящую мимо. Ее фигура была видна пару мгновений в конце короткого туннеля, идущего от калитки и образованного кустами волчьей ягоды. Вчера и сегодня Олег видел ее больше, чем обычно. Ему казалось, что девчонка его преследует.

Олег ощутил резь в промежности и побежал в туалет. Плохо дело. Только после того, как прошел приступ – через пять минут – кости прекратили шевелиться.

Виктор набрался храбрости и вошел через парадный вход. Камешки и штукатурка хрустели под подошвами. Дверей не было, у стен, на островках земли, росли сорняки. Окна выбиты, а остатки рам сгнили и походили на вываленные в земле кости. Кое-где плиты крыльца и лестницы вытащены, где-то разломаны. Виктор подумал, что работы предстоит много и средств на это уйдет много. «Но дом того стоит!» Виктор поглядел на обрушившиеся перекрытия, на грязь, и кучи мусора. Все равно, что заглядывать внутрь гниющего трупа, прозвенело у Барышева в голове.

Он сделал несколько шагов в холл. Откуда такие ассоциации? Да, состояние особняка плачевное, но ведь тем интересней бросить вызов распаду и вернуть его к жизни. Нужно думать не о смерти, в которой дом пребывает, а о будущем, которое его ждет. О жизни.

До сегодняшнего дня Виктор лишь обходил особняк вокруг и фотографировал на цифровую камеру, но сейчас решил войти. Ему нужно было подготовиться. Он не ожидал,

что это будет так трудно. В мире, где все строится на логике и прагматизме, подобная иррациональность не способствовала душевному равновесию. Вносила смятение в стройную картину вселенной. Находясь рядом с домом, Виктор чувствовал себя как ребенок, заблудившийся в лесу. Еще не страх, но уже чувство неудовлетворенности, тревоги, нерешительности. Состояние как раз перед открытием, что взрослые слишком далеко и им тебя не найти.

Я устал, думал он, и у меня долго не будет времени перевести дух... если только дом не даст мне этой возможности.

Виктор закурил, и от табачного облака комары, выходящие во влажных сумерках, разлетались кто куда. Он посмотрел назад, на прямоугольный дверной проем. Отсюда видна стена леса, огораживающая площадку перед особняком, и кирпичные столбы, на которых когда-то висели ворота, точнее, не сами столбы, а их остатки, почти скрытые травой. Особняк покинули в 1916 году. С тех пор он медленно умирал, не в силах ни с кем найти общий язык. Теперь, почти через сто лет ему предстоит вернуться к жизни. Виктор ощутил себя человеком, которому оказана великая честь. Его страх и неуверенность – это пройдет. Любые большие изменения в жизни вызывают чувство дискомфорта. Не стоит на нем заикливаться.

Виктор дошел до одной из двух лестниц, что вели наверх. Обе лестницы огибали овальную площадку, где когда-то был небольшой фонтан. Казалось, это кусочек какого-то другого мира, не имеющего отношения к тому, что происходит снаружи. Само пространство неуловимо менялось, искажая перспективу.

Виктор поставил ногу на ступеньку, раздался скрип. От этого движения дом будто бы зашевелился. Словно по большому телу спящего дракона прошла легкая судорога. Виктор остановился, не уверенный, что ступени выдержат его вес. Он отошел назад. Вновь сухо затрещали камешки под ногами. За эти несколько минут Виктор вспотел – видимо, из-за духоты и влажности (хотелось думать, что только из-за этого). Он вытащил фотоаппарат и навел его на лестницу, нажал на кнопку. Вспышка озарила сумерки. Виктор посмотрел, что получилось на экране. Дизайнер запросил как можно больше снимков, чтобы составить о доме первое впечатление и прикинуть в уме, на чем будет основываться проект.

Он решил не подниматься и сделал обход первого этажа. Картина запустения была угрожающей. Попадались надписи на стенах, глупые или похабные, отделку стен в большинстве случаев украли, каминные пали жертвой чье-то злобы, от дверей не осталось даже петель. Виктор воображал себе, как вскоре здесь начнут суетиться рабочие, вступающие в бой с многолетним отложением запустения, и не забывал щелкать фотоаппаратом. Дом пытались приобрести в девяносто пятом году, но в результате несчастного случая покупатель отказался от сделки. Погибли его жена, дочь и еще одна девочка, подруга дочери. Виктор не знал, как это случилось. Тот человек не мог не потерять интерес к особняку и уехал.

Надеюсь, у меня-то все будет нормально, подумал он, возвращаясь в холл. Ему не терпелось начать. *И выйти отсюда наконец!* Эта мысль вызвала раздражение. Опять игры в привидения? Привидений не бывает. Их существование недоказуемо. И в доме никого нет... Виктор остановился, глядя вверх. Ему хотелось подняться на второй этаж, но он не мог. Сердце стучало в горле. Под рубашкой копился пот. Виктор расстегнул верхнюю пуговицу. Комары тут же накинулись на него, будто ждали нужного момента. Лесные твари, крупные, полосатые. *Подняться на второй этаж и посмотреть.* Лучше сейчас этого не делать; если, например, под ним провалится пол или что-то упадет на голову, он останется один и без помощи. Ни калечиться, ни тем более умирать Виктор не собирался. Он вышел на крыльцо, дрожа, и чуть не выронил фотоаппарат.

Особняк отпустил его с неохотой.

Когда Виктор рассказал той женщине о своих планах, она поглядела на него словно он несмышленый ребенок. Что это значило, помимо того, что ее ошеломил визит человека из

города? Шведова прятала глаза и была дружелюбна, но здесь крылся какой-то подвох. Виктор не терпел, когда от него что-то скрывают.

– Может, речь о доме? Будем надеяться, что нет.

Пора возвращаться. Отойдя от особняка шагов на двадцать, Виктор обернулся. Пустые окна, за которыми таится тьма, раззявленный рот парадного входа, обгрызенные временем колонны.

У Виктора сжалось сердце, и он побыстрее отвернулся. Возвращаясь к машине, что стояла на дорожке за «воротами», он ускорил шаг.

Тетя Ирина сказала, что этот человек хочет восстановить дом. Целиком. Чтобы в нем жить со своей семьей.

Это не укладывалось у Олега в голову, этой огромной мысли просто не находилось места в его сознании. Последний час он только и делал, что пытался как-то к ней приспособиться. Для этого он ушел из поселка и гулял по берегу озера. Ему нужно было уединение.

Олег думал о том, что все его предчувствия были неслучайны. Кроме того, выяснилось, что бессонница поразила не только его...

– А все дом этот, – сказала тетя Ирина.

Олег стоял возле окна в ее кухне. Тетя Ирина разогревала обед. Он не хотел есть, но ничего про это не сказал. Шведова заботилась о нем, будто он ее сын, а такое нельзя отвергать.

– Может быть, он тоже бросит это дело, – предположил Олег.

– Вряд ли, – ответила тетя Ирина. – Я так поняла, он готов на все ради этого дома. Либо... Я не рассказывала ему ту историю. Ни к чему. Да и потом – похоже, страшные сказки его не останавливают...

Олег покопался в памяти – осторожно – и достал оттуда подробности происхождения с прошлым покупателем. Оно произошло, по словам тети Ирины, в конце девяносто пятого года, в то темное страшное время, когда кризис разъедал привычную жизнь людей и когда никто не верил, что может быть по-другому. Немудрено, что это случилось. Олег понимал, о чем она думает. Чего боится. У прежнего покупателя погибла семья, жена, дочь и подруга дочери, обеим было по тринадцать лет. Их нашли в доме повешенными. Никто не нашел никаких следов насилия, и милиция пришла к выводу, что они покончили с собой. Тот несчастный человек не успел даже оформить сделку по покупке дома и земли. Он ничего не успел.

Олег попытался представить, каково это.

Тетя Ирина налила Олегу тарелку щей с мясом и поставила на стол тарелку с черным хлебом. Он это любил.

– Сметану хочешь?

– Нет, спасибо. А ты не будешь?

– Пока голова полностью не пройдет, не буду. – Она улыбнулась. В такие моменты Олег сравнивал эту улыбку с улыбкой матери. Между ними было много общего – и в то же время колоссальная разница. У матери было не сердце, а кусок кремня. Даже когда она пела колыбельную или сюсюкалась с сыном, это походило на зачитывание приказа перед строем солдат. Олег помнил ее холодные пальцы, которые доставляли ему неприятные ощущения. Мать считала его своей собственностью, только своей. Вещью. Тетя Ирина любила его по-настоящему. Когда Олег об этом думал, в самые тягостные свои минуты, к глазам подступали слезы и начинало щипать в носу. Но он мужчина – ему не положено плакать. Женщина, которая стояла и смотрела на него, была такой, какой Олег хотел видеть свою мать.

От такой мысли ему было стыдно. Кровь прилила к голове. Он опустил глаза в тарелку со щами, продолжая вливать в себя бульон и жевать овощи с мясом.

– И значит, его жена будет жить здесь?

– Да, он сказал, что они приедут послезавтра.

– А почему так? – спросил Олег. – Она что – строитель?

– Барышев объяснил, что у него полным-полно дел, а она – кажется, ее зовут Наталья – будет следить за тем, что тут делается.

– Чтобы ничего не украли? Глупости. Для этого нужен сторож, – сказал Олег.

Тетя Ирина повела плечами. Делала она это с пластикой молодой женщины. Олег видел ее старые фотографии. На них была изображена белокурая красавица с двумя длинными косами, и даже сейчас любой скажет, что она мало изменилась. Красота поблекла, но не ушла. Ее нельзя было уничтожить годами.

– Может быть, этому банкиру нужно иметь тут своего человека, – сказала она.

– А кто его жена?

– Не знаю. Но у таких они обычно домохозяйки.

Домохозяйки, подумал Олег. В его представлении это были властные ядовитые, змееобразные женщины – тиранки домашнего очага. И может ли быть в городе по-другому? Городская жизнь не предполагает естественности в человеческих отношениях, и убивает личность на корню...

Олег поднял камень, попавшийся под ногу, и швырнул его в озеро. Плюх – и пошли круги по ребристой водяной поверхности. Волны накатывали на песчаную полосу, на мелководье колыхались темно-зелены пряди водорослей. Олег вдохнул озерный воздух. Чайки спикировала к воде и врезалась в нее. Поднявшись, птица понесла в клюве рыбку.

Беседа с тетей Ириной не прояснила ситуацию; у Олега появилось еще больше вопросов – их груз был невыносим. Главный из них – *разве есть ему до этого дело?* Особняк не принадлежит ему или его предкам, он никак не связан с теми людьми из города, которые хотят жить во враждебной им вселенной (и пока не понимают этого). Ничего не ясно... Олега не покидали предчувствия. Это неясное томление, сродни голоду, требующему удовлетворения. Фантомы.

Хуже всего было злобное шуршание костей, настроение которых Олег никак не мог определить. В его жизнь вползало нечто враждебное, оно походило на ту всепоглощающую силу, с которой он познакомился когда-то в детстве и источника которой не знал.

Олегу было страшно. Даже здесь, при свете дня, на открытом месте он трясся от нарастающего ужаса. Сегодня ночью Олег опять видел свою невесту. Зоя сидела за столом, за которым ее настигла смерть, и снова грызла куриные кости; Олег подошел к ней и спросил, зачем она это делает. Зоя подняла голову – лицо было бледным, ни кровинки, – и засмеялась; она не собиралась отвечать, Олег чувствовал, что женщина, которую он любил, его ненавидит. Он не спас ее, когда мог. Олег ворочался во сне и стонал. Может быть, даже кричал. Хотелось бежать от Зои. Сон не отпускал. Зоя указала на стол, где на клеенке обломками куриных косточек была выложена какая-то надпись. Но Олег не запомнил, какая именно. Он проснулся на самом краю кровати, задыхаясь от страха, и первое, что увидел – Бакса, сидящего на тумбочке. Глаза кота мерцали зеленым.

Когда-то мать говорила, что кошки охраняют душу человека, когда он спит. Олег сел в кровати и посмотрел на кота. Бакс был беспристрастен. «Что ты знаешь?» – спросил Олег у него, но Бакс соскочил на пол и ушел. У Олега мурашки побежали по спине и руки покрылись гусиной кожей. До рассвета он лежал, прислушиваясь к скрипу в доме. Ночной ветер напирал на стены, шелест листвы проникал через приоткрытую форточку, убаюкивая и навевая кошмарные видения, с которыми Олег боролся из последних сил. Предрассветная дрема была недолгой.

Он встал с таким ощущением, словно всю ночь таскал тяжелые камни.

Отставив тарелку, где не осталось ни кусочка капусты или картошки, Олег поблагодарил тетю Ирину за щи. Еда у нее всегда была на высшем уровне. Она тут же поставила перед ним стакан чаю. Разговор сам собой затух несколько минут назад, и Олег стал прихлебывать чай,

думая об особняке. Мысль о том, что там кто-то будет жить, распирала ему голову. Покончив с обедом, он собрался уходить.

Новый камень угодил в озерную воду. На этот раз – «блинчик». Олег насчитал девять касаний – здорово.

Банкиру нужно иметь тут своего человека... Дом будет заселен, и в нем обоснуется семья из города... Прежние покупатели умерли, вернее, самые близкие люди прежнего незадачливого владельца... Женщина и двое девочек...

Олег отвернулся от озера и зашагал к лесу. Под его сводами было сыро и пасмурно. Сосны замерли, подлесок не шевелился, деревья посматривали на человека, бредущего узкой тропой. Куда он идет, Олег сообразил только когда вышел к склону холма.

Он никогда не был внутри, хотя много раз ходил вокруг дома, особенно первое время. Тогда дом не пугал его, а завораживал. Олег сел на свое старое место и закурил.

Умей я рисовать, эта точка была бы самой лучшей для того, чтобы поставить мольберт.

Наталья приучала себя к мысли о том, что ей предстоит, но без особого успеха. После разговора с мужем она приняла успокоительное (этот способ снимать напряжение становился у нее все более популярным), понимая, что только так можно было встретить правду лицом к лицу. Виктор привез новые снимки, которые они смотрели после ужина все втроем – Наталья, он и Лида. На этот раз фотоаппарат запечатлел первый этаж особняка, все безобразие запустения и хаоса. Наталья прониклась отвращением к тому, что увидела. Лида отреагировала по-другому и стала давать советы – согласно своему пониманию – как лучше поступить с отделкой. Виктор слушал. И не для того, чтобы проявить вежливость. Он пытался понять и принять мнение дочери, и Наталья отметила, что общий язык они находят без проблем. Ужас. Ее девочка все дальше и дальше от нее. (*Неправильно – она все взрослее и взрослее.*) Когда Лида спросила, что думает она, Наталья удивилась.

– Я в этом ничего не понимаю. – Лекарство действовало, поэтому играть свою роль Наталья могла без труда. Когда-нибудь наступит день, когда чисто психологически я не смогу справиться с эмоциями без успокоительного, подумала она.

Виктор посмотрел на жену.

– Но каким бы ты хотела видеть интерьер? – спросил он.

Интерьер? В гробу я видела ваши интерьеры! Если бы мысль эта была высказана, Наталья бы кричала во весь голос.

– Мам, можно сделать в стиле девятнадцатого века, так, как было в эпоху постройки, – сказала Лида.

– 1840 год, – уточнил Виктор.

Наталья поглядела на них так, словно перед ней сидели пришельцы и говорили с ней на языке жителей созвездия Лиры.

– Мам? – позвала дочь.

Проснись же!

– Задумалась, – сказала Наталья.

– Или сделать в современном стиле внутреннюю отделку, – продолжила Лида.

Наталья ответила наугад.

– Девятнадцатый век лучше.

– И я так думаю, – подтвердила девушка.

Виктор задержал взгляд на жене; *ты, по-моему, сошла с ума, могу ли тебе доверить то, что хочешь?* Наталье показалось, что она прочла его мысли. Виктор едва качнул головой, как показалось жене, с укоризной. Почему ты не можешь вести себя при дочери нормально? Наталья была уверена, что он подумал именно так.

– Завтра я буду обсуждать проект с дизайнером, – сказал Виктор. – Но он сможет вынести свой окончательный вердикт только когда увидит все своими глазами. Пока у него слишком много текущих заказов. – Он положил стопку снимков, напечатанных на фотопринтере на стол. – Это только разведка боем.

Сможет ли Наталья жить в том доме, зная, что под слоем новой отделки находится это безобразие? Ведь сами стены впитали в себя вонь гниения. Да и выглядит особняк точь-в-точь как дом с привидениями.

А вот это совсем никуда не годиться! Кто ей разрешил так думать?

Наталья ощутила, что ей жарко, и встала, чтобы сходить на кухню за холодным соком. Разведка боем. Для Виктора все, чем бы он ни занимался, было сражением. Но в его мире по-другому нельзя.

Она думала об особняке, не понимая, откуда вдруг взялось это непонятное сопротивление. Днем Наталья успела отчасти приучить себя к мыслям о будущем – в результате самовнушения оно не казалось таким мрачным. Но сегодняшних снимков, сделанных Виктором на первом этаже, было достаточно, чтобы поселить в Наталье страх. Лучше бы он не ездил сегодня туда. Да, конечно, и лучше бы этого не было вообще... Как жить в доме, где пахнет гнилью? Разложение пронизало стены, потолок и пол. Этот особняк – *мертвец!*

Я там жить не смогу.

Кто-то положил руку ей на плечо...

Наталья стояла у раскрытого холодильника, видимо, уже давно. Обернувшись к мужу, она чуть не закричала.

– Ты чего? – спросил он.

– Да так. Ты подкрался незаметно.

– Я спросил тебя, в чем дело, между прочим, – заметил Виктор.

– Да?

Наталья покраснела, у нее стали гореть уши.

– Знаешь что, – сказал муж, – я понимаю, у тебя проблемы, ты не справляешься со своими страхами...

– У меня нет страхов. Никаких. – Наталья достала из холодильника пластмассовую канистру с соком.

– Не отпирайся, я-то тебя знаю. Ты так и трясешься, словно мышка. Может, скажешь, в чем дело? В пьесе? Это так сложно? Брось ее, наплюй, не порть себе жизнь. – Пауза. – И нам тоже.

Когда Наталья взяла стакан с соком, ее рука почти не дрожала.

– Мое писательство – мое дело. Я сама с ним справлюсь, хорошо я пишу или нет, уже неважно. Простой рано или поздно закончится, – сказала она.

– Тебе все это не нравится? Да? Поэтому ты в депрессии? Можешь сказать честно?

– Слишком много вопросов.

– Увиливаешь от ответа?

– Да в чем я виновата? – Наталья подумала, что их может услышать дочь. Она, конечно, знает об их размолвках, но все-таки афишировать это не стоит.

– Ни в чем. Прекрати истерить, – сказал Виктор.

Он точно знает, что она делает... Наталья испытала сладостно-жестокое желание разбить стакан об его лицо. Вместо этого она промолчала.

– Ты не можешь или не хочешь меня поддержать. Не можешь – значит, это проблема, а не хочешь – это предательство. Я не заставляю тебя перейти в мою веру – стать стопроцентной поклонницей идеи особняка, но все-таки хоть в чем-то пойдешь мне навстречу. Пожалуйста.

Наталья отвернулась. «Идея особняка...» Он просто свихнулся на этом. Как может нормальный человек так выражаться? Она ощутила, как стремительно теряет ощущение реальности. Возможно, у нее серьезное расстройство восприятия...

– Поддержи меня в этом. В конце концов, особняк нужен не только мне, чтобы удовлетворить свои амбиции, но и Лиде. – Виктор повернул жену к себе лицом, ища ее глаза. Наталье было тяжело выдерживать две эти ледышки, пронзающие мозг и наполняющие холодом ее сознание. – Детям Лиды. Ты не думала об этом? Не думала ни о чем, кроме своего эгоизма?.. Только о своих опусах, которые никому не нужны?

Наталья вырвалась, его пальцы, наверное, оставят пальцы на ее плечах отметины.

– Нужны. Нужны! Тебе не понять.

– Ну ладно, мне до лампочки твои потуги, делай что хочешь, но не забывай о семье! – зашипел Виктор. – Ты хотя бы иногда замечала, что есть много чего вокруг и помимо твоих фантазий?

– Я замечаю. И то, что ты лишь доводишь до моего сведения свои решения. Ты советовался со мной перед переездом сюда? Нет! А насчет дома? Нет – ты только сказал: ох, как будет здорово, великолепно, когда мы заимеем его в собственность! И все – я должна только кивать и радоваться!.. И ни разу не спросил, нужно мне это или нет!

Только бы не сорваться. Мне не нужно истерики!

У Виктора на щеках выступила краснота, глаза сделались страшными.

– А для кого я, интересно, стараюсь? Чтобы...

На кухне появилась Лида. Она или делала вид, что не заметила очередную стычку между родителями, или правда была занята своими мыслями. Виктор и Наталья, имея за плечами годы репетиций, изобразили, что просто беседовали стоя возле окна. Лида поставила тарелки в раковину. Виктор вышел из кухни. Хлопнула дверь его рабочего кабинета. Он не выйдет оттуда в ближайшие два часа – это время, когда он занимается бумагами и общается через Интернет с деловыми партнерами. К тому же особняк. Из-за него работы у Виктора прибавилось.

Наталья вздохнула. Сейчас Лида начнет расспрашивать, подумала она, а я не хочу говорить, ни о чем не хочу говорить.

Я не эгоистка! Нет.

– Мам, ты чего?

Наталья повернулась. Не расплакаться стоило ей невероятных усилий.

– Голова болит.

– Да ты вообще плохо выглядишь что-то. Бессонница?

– Я часто просыпаюсь.

– Принимай снотворное, – сказала Лида. Она была убеждена, что если следовать умным советам, то это поможет. Не спишь – принимай снотворное, нервничаешь – расслабься. Просто.

– Я пила, – сказала Наталья, – но на утро я как будто с похмелья просыпаюсь. Не подходит мне это.

– Ну смотри. Но ты очень нервничаешь, это и папа замечает.

– И папа? Он говорил? – спросила Наталья. Не хватало, чтобы Барышев обсуждал с ней ее да еще в таком ключе, что она постепенно съезжает с катушек.

– Ничего не говорил, из него слова не вытянешь. Но я вижу сама – по тебе. – Лида обняла мать за шею крепкими руками. Этот жест был неосознанным, движение знакомым. Наталье на миг показалось, что дочери снова восемь лет и у нее нет никого ближе мамы. – Ты поедешь на город и когда будешь спать на свежем воздухе, у тебя пройдет твоя дурацкая бессонница. Я знаю.

– Да. Пройдет.

Лида, отстранившись, улынулась.

– И писать тебе будет легче. Сама ведь знаешь, как многие писатели изменяли свою жизнь разными переездами, сменой обстановки. И на новом месте их посещало вдохновение. И тогда они писали свои шедевры. Так что постарайся видеть в этом хорошее. Все получится. Будешь ты писать!

Наталья покачала головой. Видение прошло, перед ней снова была взрослая семнадцатилетняя девушка.

– Наверное, там у меня не будет времени на это. Если правда то, о чем говорит твой отец.

– Да ну, брось. Тебе дается хорошая возможность отдохнуть. Ничего сложного нет. Даже я бы смогла.

Интересно, это Барышев ее надоумил оказать мне моральную поддержку? А ведь девочка не понимает, что врет. Из лучших побуждений, конечно, но все-таки от этой лжи не становится легче. Все знают, что нет такого же на свете непрактичного человека, чем я, подумала Наталья. Почему необходимо так врать?

– Я знаю. Сделаю что сумею, – сказала Наталья.

Кажется, Лида осталась довольна. Ложью.

4. Потайное место

Олега привлек звук льющейся воды. Он высунулся из окна, уже одетый к поездке, и прислушался. Кто-то выливал воду из ведра на землю. Звук доносился со двора тети Ирины, но Олег не мог видеть, в чем дело, из-за плотной стены деревьев и кустарника.

Олег вышел из дома. Кое-где еще лежали серые тени – останки умершей ночи. Воздух нес прохладу.

Чуть скрипнула ручка ведра – этот звук не спутаешь ни с чем. Олег подождал несколько секунд, а потом зашагал вдоль дома налево, чтобы нырнуть с головой в густые заросли. Продвигаясь к забору, разделявшему два участка, Олег влез лицом в паутину. Комары, обрадованные неожиданной добычей, накинудились на него всем скопом.

Сердце Олега стучало в ребра, точно просилось выйти наружу. Согнувшись в три погибели и отмахиваясь от насекомых, он шел как можно тише, чтобы не спугнуть человека, находящегося поблизости. Ему пришло в голову, что воду лить могла новая жительница поселка – женщина, которая приехала вчера с мужем осматривать особняк. Олег еще не видел ее, но уже наслушался от Старостина злорадных замечаний. Жена банкира, дескать, ничего не понимает в деревенской жизни... Такую я бы и на порог не пустил, заявил Старостин. Олег подумал, что если это поднимает его самооценку, то пусть мелет что хочет...

Снова скрип ручки ведра. Стук сердца переместился Олегу в горло, он сглотнул комочек слюны.

надпись на столе, сделанная расщепленными куриными косточками

Он так и не понял, что там написано. В кошмарном сне его взгляд никак не мог сосредоточиться на этом слове (или словах), все время соскальзывая в сторону.

Олег дошел до того места, где кусты расступались, давая возможность близко подобраться к забору. Между досками был зазор шириной с ладонь. Олег придвинулся к нему, не надеясь, что ему повезет, но ошибся. Кости подсказывали, что здесь самая лучшая позиция для *подглядывания*. Отсюда виднелся участок стены у задней части соседнего дома. Кругом разрослись крапива и полынь с лопухами. Дом, забор и непроходимые чащи дикой малины образовывали тупик.

Потайное место – подходящее для тайных дел. В детстве Олег любил такие уголки, в них он прятался от взрослых и слушал, как шуршат кости... конечно, когда они же не мешали ему играть...

Человека в этом тупике увидеть невозможно... разве что с той точки, откуда наблюдал Олег.

Сначала он видел только стену и угол дома. Потом взгляд скользнул дальше. На зеленых досках темнели брызги воды. Растения тоже были мокрыми, но четче всего капли выделялись на бетонном фундаменте. Заинтригованный, Олег опустился на колени. Кто-то шел со стороны двора. Тихо, без обуви, но не скрываясь. Олег хотел спрятаться, но подумал, что никто не узнает о его присутствии, если он будет сидеть смирно. Комары пищали под ухом многоголосьем хором, заставляя его нервничать и потеть.

Появилась женщина; нет, не женщина – только ее белое обнаженное тело; головы Олег не видел из-за листьев. Обнаженная и босая (поэтому казалось, что она крадется). Олег смотрел на ее белую кожу и тонкую сеть сосудов на бедрах, округлые ягодички со следами резинки от трусов и светлые волосы на лобке. Он чувствовал, как кружится голова. Женщина держала в каждой руке по ведру холодной воды, может быть взятой из колодца. Мускулы напряжены и подрагивают. Олег видел, что она поставила ведра на землю и трянула кистями, непривычными носить такую тяжесть. Он узнал два этих эмалированных ведра, принадлежащих тете Ирине. Если женщина узнает, что я тут, она станет кричать, подумалось ему. Но отступить

поздно – это лишь привлечет ее внимание. Почти не дыша, Олег следил за незнакомкой, находящей от него на расстоянии не более чем пяти шагов. Странно было воспринимать эту плоть без головы. Олег сунул руку себе в штаны и сжал пенис. Боль и удовольствие нахлынули разом, член отвердел.

Он уже знал, что это были за звуки и что женщина собирается делать. Вот она клонилась, спиной к нему, взяла ведро, высоко его подняла. В следующую секунду полилась вода. Прозрачный поток окатил белое тело, вода разом впиталась в землю. Полетели брызги. Женщина повернулась к Олегу лицом, поставила ведро, а он сосредоточил взгляд на волосах, покрывающих Венерин бугорок. На завитках висели капли воды. Они срывались и падали. Олег дышал тяжело, выталкивая из себя воздух короткими порциями. Его взгляд поднялся выше, на начинающую обвисать грудь – женщина была еще молода, хотя средний возраст не за горами – и Олег увидел встопорщившиеся соски, окруженные бледно-розовыми кружками. Женщина задела икрой лист крапивы, засмеялась. Олег на секунду закрыл глаза, черная жила в голове проснулась и пульсировала; он почувствовал боль в промежности, но остановиться не мог. Его захватили фантазии. Горячие. Жадные. Голодные. Женщина подняла второе ведро и тоже вылила его на себя. Послышался шумный вдох. Несколько брызг попали Олегу на лоб, он открыл глаза, почему-то вспоминая лицо Зои в своем сне, лишенное краски, белое, точно свежая штукатурка на печи, и ее взгляд, полный злобы. Он вытащил пенис из штанов. Женщина подхватила ведро. Иногда Олегу казалось, что его невеста не умерла, а ходит где-то рядом, ищет его, ждет, может быть... А если это она? Что если это – *она*? Зоя вернулась, чтобы задать мне главный вопрос: *почему ты не спас меня, когда я подавилась костью?* Я не сумею ей объяснить, ничего не сумею. Если бы я мог спасти, то спас бы... Олег не видел лица женщины из города, но несколько секунд был уверен, что это никакая не жена банкира, а его мертвая невеста. Фантазии. Он вспомнил прикосновения Зои, руки у нее всегда, в отличие от матери, были горячими, они умели будить в нем глубинные соки и давать им свободу.

Олег посмотрел перед собой в зор между досками, видя, как женщина с ведрами уходит, как делает один медленный шаг, за ним другой; мокрые ноги, с бедер бегут стеклоподобные капли. Олег сжал пенис, и из него выстрелил заряд густой спермы. Запас ее не иссякал. Сперма падала и терялась в сплетении травяных стеблей и листьев. Пошел запах. Олег запрокинул голову, лицо его перекошилось. Женщина ушла, ступая по земле босыми ногами и испытывая от этого удовольствие, какое доступно лишь городскому человеку. Олег, обессилив, привалился плечом к доскам забора. Ноги дрожали от напряжения, он чуть не падал. Пенис обвис, и у него возникло желание немедленно затолкать его обратно в штаны, спрятать. Дрожа, Олег застегнул ширинку и встал, стремясь как можно быстрее выбраться из этого угла. Он успел забыть, куда собирался утром, и память вернулась только когда Олег оказался дома. Выпив стакан воды, он закурил.

Соседство с этой женщиной не сулило ему ничего хорошего.

– Ты идешь спать? – спросил Виктор в половине первого ночи, заглянув в ее рабочий кабинет. Она повернула к нему голову, находясь целиком во власти своих мыслей. Во время чтения и работы на компьютере Наталья обычно надевала очки. Они и сейчас были у нее на кончике носа.

– А?..

Мужу пришлось повторить свой вопрос. Она не видела его лица, только абрис головы, очерченный светом из коридорчика.

– Я поработаю, – сказала Наталья. – У меня куча дел.

– Но ведь поздно.

– Не в первый раз...

Что он собирался сказать? Что мне все равно это не поможет? Пусть убирается лучше.

Наталья смотрела на него из полумрака. Ей нравилось выглядеть такой вот бесстрастной и задумчивой. Виктор вздохнул. Наверное, он жалел о том разговоре, что состоялся на кухне, а может, просто *убеждался* в том, что жена совсем слетела с катушек. Наталья ждала. Виктор постоял, испытывая потребность как-то прокомментировать ее слова; в его правой руке была газет, свернутая в рулон. Он стукнул ею себя по бедру. И закрыл дверь.

Никаких выяснений, сейчас ночь... Наталья ощутила призрачное разочарование.

Контакта не состоялось. Между ними установилось вооруженное перемирие, демаркационная линия между враждующими сторонами проходила по теме из *семейного дела*, и это больше всего бесило Наталью.

Теперь все, исключительно все вращается вокруг этого проклятого особняка.

Наталья посмотрела на дверь, потом протянула руку и выключила настольную лампу. Остался светить только экран компьютера. Было на удивление спокойно. Тихо. Безмятежно. Наталья не знала, как к этому относиться. Затишье перед бурей – чересчур банально... Или эта тишина ничего не значит? Наталья прислушалась к звукам вне своего кабинета.

Виктор прошел в спальню (там стояла новая, специально купленная кровать из натурального дерева, которую Наталья сразу невзлюбила), лег и затих. Он засыпал в течение пяти-семи минут, и ничто не могло этому помешать. Наталья завидовала его таланту. Если она уставала, то попытки заснуть превращались в мучение, а в периоды, когда пошаливали нервы, и вовсе приходила бессонница. Наталья подолгу лежала под одеялом, отвернувшись от мужа, и перебирала в уме всякую белиберду. Сон не шел. Иногда помогало выкурить сигарету в туалете. От снотворного же наутро становилось плохо.

Муж заснул, и она осталась бодрствовать одна, наедине со своими фантазиями и воспоминаниями. Ей пришла в голову мысль установить здесь камин, хотя бы искусственный, и сидеть рядом с ними в кресле качалке с ноутбуком на коленях. И писать. Писать, укрыв колени клетчатым пледом...

она уже сейчас слышала гнилостный смрад, исходящий от стен особняка

Наталья посмотрела на экран компьютера. Красный огонек от оптической мышки бросал на стену тревожащий отблеск. Глаз вампира. Час назад она все-таки решилась открыть файл со Страшной Книгой. Названия у рукописи не было.

Наталья всматривалась в строчки и не могла поверить, что вдруг села писать роман ужасов. Что ее могло к этому подвигнуть, если раньше в двух выпущенных роман максимально страшные вещи не заходили дальше романтических дуэлей, где кому-то протыкали шпагой белую кружевную сорочку? Да, были внешние причины. Это недовольство происходящим, неуверенность, депрессия, плохой сон. И, конечно, особняк. Было ли этого достаточно, чтобы ступить на эту дорожку, ведущую в темноту? Сюжет напоминал то, что должно было произойти с ней самой. Предчувствие будто бы заставило ее посмотреть в будущее. И еще эта женщина, героиня, странное сочетание прагматического ума, наивности и готической экзальтации. Неужели это я? Когда вошел Виктор, Наталья как раз размышляла над тем, что делать дальше. Сколько таких сюжетов уже нашло свое воплощение? Наталья не была поклонницей мистической и литературы ужасов, но могла себе представить, что примерно каждый четвертый роман об этом: дом и его обитатели... Если она напишет его, если найдет силы закончить эту мрачную сагу о безумии, то не будет публиковать. Но как сложно решить идти дальше! Ничего общего с пьесой («...Он поворачивается и смотрит на нее *осуждающе*...» или «Вика (смеясь). Какой ты, однако, шалун!») Страшная Книга не имеет. Вероятно, в этом и заключается ее главная сила. Горькое лекарство, призванное спасти брак Натальи.

Она дотронулась до мыши, указатель возник из небытия и прополз по тексту. Где-то скрипнула дверь, Наталья обернулась, прижимая руку к груди. С ее места не было видно, сдвинулась дверь ее кабинета или какая-то другая. Но она вообще не помнила, чтобы хоть где-то издавали звуки новые петли. Или это не дверь? Звук «издавало» дерево. А их кровать в

спальне? Нет. Та сделана из толстых досок, плотно пригнанных друг к другу. Чтобы раскатать их и заставить скрипеть, понадобится несколько лет усиленных занятий любовью – и то нет гарантии.

Натаалья встала, включила настольную лампу. По углам расселись тени, шторы задвинуты, между ними щели нет, шкаф-купе она сегодня не трогала. Но ведь звук-то был!.. Натаалья прокралась к выключателю, зажгла верхний свет. Дверь оказалась закрытой. Положив пальцы на ручку, Натаалья подождала и надавила на нее. Дверь открылась. Натаалья выглянула в гробовую тишину и темень квартиры. Лида легла спать в одиннадцать вечера, Виктор несколько минут назад. В общем, ей показалось.

Ну и ладно.

Натаалья вернулась за компьютер. Тихий гул, издаваемый двумя вентиляторами системного блока. Привычная вибрация, которую не замечаешь.

Она села и стала вслушиваться в свои мысли. «Если бы открылась дверь в кабинет, раздался бы шелчок замка. Здесь нужно поворачивать ручку, надавливая вниз», – подумала Натаалья. Она пролиستала файл до конца и посмотрела, какого объема ей удалось достичь на сегодняшний день. Почти четыре авторских листа. Натаалья не помнила, сколько времени работала над ними.

Установив курсор после точки, она написала одно неуверенное, бледное предложение. Остановилась. Как трудно приступать к чему-то, когда оно долго лежало без движения. Нелегко, очень нелегко восстанавливать порванные связи, эти тонкие ниточки, скрепляющие воображение и реальность, твои руки и твои мозги.

Нет. Натаалья стерла предложение. Когда теряется нить сюжета – это не так страшно, как лишиться интонации. Реанимировать ее сложно, а иных случаях нельзя, мелодия, когда-то звучавшая в твоём мозгу, смолкает навсегда. Натаалья знала это. В случае с пьесой дело не только в том, что она потеряла вдохновение (Вика (*задумчиво*)). А что если я скажу «нет»?», но в том, что повернуло в неизвестность какое-то важное подводное течение. Одно из многих. Учитывая все это, неужели она думает, что «Брось в шлюху камень» можно воскресить?

Я не думаю так! Она устала в текст, испытывая ярость и страх. Страшная Книга манила, но пока не подпускала к себе близко. Натаалья встала из-за стола, прошла по комнате, заглянула за задернутые шторы. Улица была пуста, в окнах дома напротив ни одного огонька. Отвратительная картина.

Уже завтра Натаалья увидит особняк, на долгое время ей придется распрощаться с привычками и традиционным ритмом жизни, поселиться в лесу. Это не укладывалось у нее в голове. Умываться у колодца, всю ночь отмахиваться от комаров... Неужели нельзя снять жилье где-нибудь подальше? В гостинице? Впрочем, в тех краях вряд ли знают, что такое гостиница...

Натаалья взяла распечатку пьесы, эти пять мерзких листов, и разорвала их пополам, потом эти части еще пополам. Швырнула в корзину для бумаг. Файл с пьесой находился в папке «Моя литература», где Натаалья хранила все заметки и материалы. Посмотрев на значок файла и его название, она выбрала в контекстном меню пункт «удалить». Вышла на рабочий стол и очистила корзину (если раздумывать над правильностью своего поступка, с ума сойдешь от сомнений и угрызений совести).

С плеч словно гора свалилась. Все. Я принесла жертву Страшной Книге, теперь придется работать с ней.

Натаалья выключила компьютер, чувствуя себя несчастной.

В спальне Виктор перевернулся со спины набок. В последнее время он часто просыпался потому, что от лежания на спине челюсть отвисала и рот оказывался открытым. Это вызы-

вало неприятные ощущения. Казалось, этим воспользуется какое-нибудь насекомое... Детский иррациональный страх, но никуда от него не деться.

Виктор понял, что Наталья до сих пор не легла, и как только подумал о том, что ей надо полечить нервы, жена вошла в спальню. Скользнула неслышно, точно вампир или призрак, встала у кровати. У Виктора мурашки побежали по спине, но он притворялся, что спит. Наталья разделась и легла. На спину, укрывшись до подбородка. Захочет ли она секса сейчас? Она повернула голову к мужу. Реакции не было. Виктор переключился на мысли о доме. Сон не дал ему развить свое желание, и Наталье осталось только вздохнуть и забраться глубже под одеяло.

Утром она позвонила своим знакомым, которые интересовались пьесой и хотели поставить ее, и сказала, что работа не идет. Ей нужен перерыв, чтобы подумать. Набраться новых мыслей, расслабиться. О да, они понимают, конечно, они подождут. Хотя... когда примерно можно ждать готовый материал? Наталья ответила неопределенно, сославшись на то, что вдохновению не прикажешь. «Да, жаль, а мы тут прикидывали!..» Они посмеялись. Наталья не решилась сказать, что пьеса убита и больше не возродится.

Окончив разговор, она ощутила ядовитое желание закатить кому-нибудь скандал. Под рукой был только муж, но он не подходил на роль боксерской груши. Наталья проглотила свою злость, вместе с двумя таблетками успокоительного.

Она вынула сигарету, чиркнула зажигалкой.

– Ты уже пятую подряд куришь, – заметил Виктор.

Его джип только что свернул с магистрали на проселочную дорогу. Справа и слева опять было пустое пространство, над которым висели тучи. И надо же было выбрать этот день для поездки! Пасмурно, тоскливо.

– Наташа!..

Она посмотрела на мужа. Тот был весел, только эта радость больше походила на подавленную ярость.

– Да слышу я! – ответила Наталья. Она как раз думала о том, что стала много курить. – Что тебе надо?

– Мне надо, чтобы ты вернулась на землю. Хватит летать неизвестно где, – сказал Виктор. – Мы едем заниматься делом, а не на прогулку.

Мы сто лет не были ни на прогулке, ни на пикнике, ни на курорте, ни в ресторане... У него одна работа, подумала Наталья.

– Когда приедем, тогда и займемся.

– Ты рехнулась, – покачал головой Виктор, *окончательно убеждаясь*.

– Может быть. Но я излечусь, ты же сам сказал. Подышу свежим воздухом, поем экологически чистых продуктов.

– Ты что, издеваешься? – Он искривил губы, точно собирался плюнуть. Голос его был сдавленный. Вероятно, ему стоило большого труда не разораться. Ее это не пугало. Сейчас.

– И посплю хорошо, чтобы прочистить мозги. Все будет на высшем уровне, – добавила Наталья.

Машину покачивало на ухабах, но Виктор развивал приличную скорость. Через минуту дорога, свернув влево, побежала через лес. Наталья опустила стекло со своей стороны до конца, отмечая про себя, что успела забыть, как пахнут сосны и сырая от дождя земля, что значит сумрак под сводами сомкнутых крон и пение птиц. Ее целиком захватили новые впечатления. Сигарета, выпав, осталась на дороге, во влажной глинистой колее. Наталья знала, что ей предстоит ступить в новый мир, но чтобы вот так!? Будто какое-то невидимое течение подхватило ее и понесло к неизвестным порогам. Она не боялась разбиться – ей нравилось это чувство, когда отрываешься от привычного. Испытывал ли такое Виктор? В этом Наталья сомневалась. Он прагматик и позволяет себе испытывать лишь то, что полезно. Раньше она считала, что

семейная жизнь частично сгладит его машинообразный образ мысли и чувствования, но так и не дождалась положительных, с ее точки зрения, перемен. Дело не в том, что Виктор мужчина. Он даже к собственной дочери никогда не испытывал умиления. Любил, конечно. Но так любят хорошо сделанную работу... А с другой стороны, откуда ей известно, что происходит у него внутри?

Я никогда этого не знала.

– Наташа...

– А? – Она вдохнула воздух и закашлялась. Виктор похлопал ее по спине. Ну конечно, вежливость и польза! Лида все больше в этом походила на него...

Натаалья покраснела, но не от кашля, а от злости.

– Чего? – спросила она.

– Извини меня. Я вчера наговорил всякой ерунды.

Ох, он извиняется... Натаалья не помнила, когда это было в последний раз.

– Ты понимаешь, я, правда, хочу, чтобы у нас был этот дом. Я ведь должен что-то после себя оставить.

– А Лида?..

– Лида? Ну конечно. Лида! – Виктор смотрел на дорогу. – Но – это другое дело. Это переживет нас всех и достанется нашему ребенку и внукам. – Натаалья подумала, что он никогда не сожалел о том, что у них родилась дочь, а не сын, которому можно было бы передать дело. Странно. Или забота о доме играет роль какой-то компенсации? – Я неправ. Ты занимаешься своим делом. Я тебе не буду мешать, просто... помоги мне немного. Мы же семья, так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.